VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

М.Н. Лукашев

Капитан Булочко подводит итоги

К. Булочко — заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер Советского Союза, многократный чемпион СССР на всех видах оружия

В старом здании Генерального штаба, на улице Фрунзе (ныне Знаменке), под председательством маршала Семена Михайловича Буденного началось заседание комиссии по совершенствованию рукопашного боя в Красной армии. В зале среди обилия командирских гимнастерок, зачастую с генеральскими звездами в петлицах, три-четыре штатских костюма выглядели каким-то странным, случайным «вкраплением».

Привычным движением расправив большие, пышные усы, маршал предложил генерал-майору Тарасову, который заместил расстрелянного Б.А. Кальпуса в должности инспектора физподготовки РККА, начать свое выступление. Тарасов сообщил о письме ленинградских фехтовальщиков, которые спорили со своими столичными коллегами. Москвичи рекомендовали наносить укол штыком как бы с небольшим замахом, предварительно отводя винтовку немного назад для усиления удара. А ленинградцы утверждали, что этого делать нельзя, так как такой укол требует большего времени для исполнения и более заметен противнику.

Здесь со своего места поднялся было один из штатских, но сказать он успел только лишь:

— Это я написал письмо...

— Сядьте на место, вам слова не давали! — резко прервав его на полуслове, приказал Буденный и спросил у Тарасова, имея в виду «недисциплинированного» штатского:

— Он в рукопашном бою участвовал?

— Нет, товарищ маршал.

— А нужно, чтобы боец винтовку, как куклу, нянчил. Прошел с ней огни и воды...

А между тем штатскому завкафедрой фехтования и рукопашного боя Ленинградского института физкультуры им. П.Ф. Лесгафта Константину Булочко довелось «нянчить» трехлинеечку в значительно более раннем возрасте, чем самому товарищу маршалу...

Сын белорусского крестьянина Константин Трофимович Булочко (с ударением на первой гласной; 1908-1991) родился в Гродно.

В 1918 г. на карте мира появилось новое государство — советское правительство декларировало независимость Польши, более полутора столетий входившей в состав Российской империи. Новоявленное государственное образование получилось на редкость агрессивно-задиристым и чуть ли не с первых же месяцев своего существования начало захват земель соседних народов. Хотя пышноусый «пан» Пилсудский во время Первой мировой был верноподданным солдатом германского императора и организовал антирусский «польский легион» в составе немецких войск, теперь на западе он попробовал потеснить даже немцев. Германия уже сдалась на милость победившей Антанты и распустила свои войска, но ее добровольческая армия сумела заметно охладить пыл своих новых воинственных соседей. А вот на востоке ни белорусы, ни литовцы, ни украинцы, ни прочие достойного отпора оккупантам дать еще не могли, и бело-красные флаги поляков то и дело взвивались в небо над чужими городами. В 1919-ом такой флаг был поднят и над белорусским Гродно.

Как известно, аппетит приходит во время еды, и уже в 1920-ом до краев налитый глуповатым ясновельможным чванством маршал Пилсудский объявил ни более ни менее, как «поход на Киев», собираясь «освободить» украинцев для чисто польского угнетения. Расчет «мудрого» полководца был до глупости прост: силы Красной армии сосредоточены на юге, сражаясь с Врангелем, и, вероятно, будут оставаться там еще минимум лет десять. Так что защитить Украину просто-напросто некому. Все последнее тысячелетие неуемные польские вояки никак не могли перестать наступать на русские грабли и если иной раз добивались успеха, то всегда непомерно дорого платили кровью своего народа и даже национальной независимостью...

Действительно, «победоносная» армия Пилсудского без особых трудов дошла до украинской столицы и оккупировала ее. Однако не успели еще затихнуть звуки победных польских литавр, как над головами гордых «победителей» беспощадно засверкали шашки Первой конной армии, совершившей бросок с юга. И нужно сказать, что в обратном направлении славные жолнёры продвигались неизмеримо быстрее, чем наступали. Откровенная глупость Пилсудского принесла на многострадальную польскую землю, по которой только что прокатилась Первая мировая, еще более кровавую и ожесточенную Советско-польскую войну, охватившую и разорившую добрую половину польской территории. Очень хорошие в бешеных сабельных сшибках казачки Первой конной, хотя и были «идейными» борцами за мировую революцию, из-за своей почти

полной безграмотности читать благопристойные тексты Гаагской конвенции никак не могли, и это очень болезненно отражалось на польском мирном населении, особенно на состоятельной его части. И даже гордым польским красавицам оставалось только испуганно вскрикивать и горько рыдать под беспардонно-пламенным напором горячих чубатых «ухажеров».

19-го июля 1920-го Гродно было освобождено 3-им Красным конным корпусом.

Талантливый, но излишне авантюрный Тухачевский, успешно повторяя боевой план «вертящихся дверей» немецкого генерала Шлиффена, уже обошел с северо-запада польскую столицу и грозил окружить ее. А под боевые лозунги «Даешь Варшаву и Берлин!!!» на Львов надвигались будённовские полки...

Но вот здесь-то и случилось то, что поляки благоговейно именовали «чудом на Висле», о котором исступленно молили «Матку Бозку Чентоховску». И «Матке Бозке» пришлось потрудиться в поте лица, дабы из Франции в массовом порядке поставлялось вооружение и прибыли офицеры — ветераны Первой мировой во главе с генералом Вейганом. А еще, чтобы Тухачевский, уже ощущавший себя героем-победителем, самонадеянно растянул свой фронт так, чтобы в нем начали зиять опаснейшие «дыры». И Сосо Джугашвили вместе с подведомственными Буденным и Егоровым завистливо возжаждали своей порции воинской славы, сразу и большим куском, и категорически отказались идти на выручку Тухачевскому, все еще тупо надеясь овладеть Львовом. В результате, победа, хотя и Пиррова, досталась липовому герою — Пилсудскому.

25-го сентября 1920-го после жесточайшего сопротивления красным конникам пришлось отступить и от Гродно, оставив его во власти поляков еще на 19 лет...

Вот такой была тревожная и опасная обстановка, в которой семейство Булочко покидает «польское» Гродно и отправляется в российский Смоленск. Их переезд больше напоминал спасительное бегство, чем обычную перемену места жительства...

В 1921-ом году 12-летний Костя уже работает учеником в гараже Смоленского губпродкома. А всего год спустя начинает свою военную «карьеру». Сейчас это трудно вообразить, но в те грозовые годы случалось всякое. Были и 14-летние красноармейцы.

Впрочем, при всем разнообразии армейских «должностей» послужной список юного воина никак не назовешь завидным: рядовой красноармеец, посыльный, повозочник... Однако же именно в те восемь лет военной службы уместилось так много важных, решающих событий, что они определили весь дальнейший Костин жизненный путь. «Без отрыва» от службы настырный мальчик сумел окончить трехгодичную школу взрослых повышенного типа Смоленского губполитпросвета. И, вероятно, именно это свидетельство о среднем образовании № 226 от 2 мая 1928 года и принесло ему самую высокую из исполнявшихся им должностей: старший писарь 80-го стрелкового полка.

К этому же времени Костя успел получить и еще один очень ценный навык — мастерство в штыковом бою. Сказались, конечно, отличные врожденные способности молодого человека, но было бы несправедливо недооценивать и данную ему в полку основательную физкультурную и фехтовальную подготовку. Можно только удивляться: как же это в провинциальном пехотном полку того тревожного, неустроенного и скудного времени нашелся столь умелый и опытный инструктор фехтования, подготовивший будущего чемпиона? Впрочем, искусство штыкового боя издавна стояло высоко в русской армии. И именно на Западном фронте нашей пехоте еще недавно приходилось часто сходиться с белополяками в жесточайших рукопашных схватках. Так что ветеранов штыкового боя там было не занимать. Но горячо увлеченный умной и волнующе-азартной стихией фехтования на штыках молодой боец сумел стать опасным соперником даже для бывалых ветеранов.

Однако Костины спортивные успехи начались не с фехтования, а с легкой атлетики. В 1926-ом и 1927-ом годах на смоленских общегородских соревнованиях он сразу же стал победителем («буржуазного» слова «чемпион» тогда избегали) в прыжках в высоту и с шестом, в беге с барьерами, пятиборье, шестиборье и в эстафете. Такая солидная общефизическая подготовка не могла не сослужить добрую службу и в фехтовании.

Чтобы получить право участвовать в первенстве Смоленска по фехтованию, восемнадцатилетний юноша должен был сначала доказать, что он один из сильнейших «штыковиков» в своем полку, а может быть, и во всем гарнизоне. И он сделал это, а затем, состязаясь с лучшими, более опытными фехтовальщиками города, вышел, хотя только и на второе, но достаточно почетное место, особенно в столь юном возрасте. А на следующий год стал уже первым в «штыке», но все еще вторым в «эспадроне»...

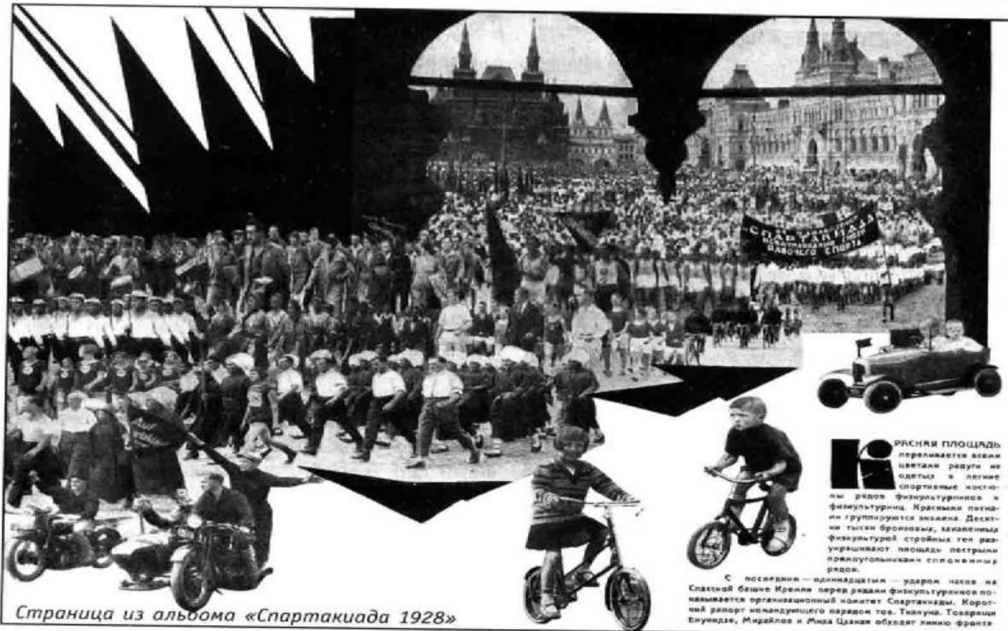
В 1927-ом — начале 28-го года по всему Советскому Союзу уже катился настоящий спортивный бум. В союзных и автономных республиках, краях, губерниях и даже в самых захолустных уездных городишках, где обыватели гоготали и улюлюкали при виде «голых» спортсменов, а уж особенно спортсменок, проходили бесчисленные состязания — «спортивные праздники». Выявлялись самые лучшие спортсмены, способные не ударить в грязь лицом и достойно защитить спортивную честь малой родины на соревнованиях еще невиданного в России размаха — на Первой Всесоюзной спартакиаде с участием не только отечественных, но и иностранных рабочих-спортсменов.

Провести Спартакиаду предполагалось в столице в августе 1928-го, в то же самое время, когда в Антверпене будут проходить «Буржуазные» Олимпийские игры. Спартакиада не только подчеркнуто противопоставлялась «спортивным упражнениям жалких капиталистических лакеев», но и должна была «утереть им нос» необычайно большими масштабами соревнований.

Если все остальные союзные республики направляли на Спартакиаду только по одной команде, то РСФСР выставляла команды в соответствии с экономическим районированием Федерации: от Москвы, Ленинграда, Урала, Поволжья, Сибири, Центрального промышленного района и так далее. Смоленск находился на территории так называемого Центрального земледельческого района (ЦЗР), и Булочко нужно было доказать, что он лучший «штыкист» не только Смоленска, но и всего ЦЗР. Успех сопутствовал молодому спортсмену, и в составе команды «района» он отправился в спартакиадную Москву.

Столица не могла не поразить молодого провинциала. Улицы и площади огромного, впервые увиденного им города были заполнены людьми. Толпы вечно спешащих куда-то москвичей пополнили тысячи участников Спартакиады.

В специальном альбоме группа журналистов так описывала то, что происходило в дни Спартакиады в Москве: «Колонны московских профсоюзных физкультурников в порядке шефства встречают на вокзалах делегации иностранных спортсменов, коллективы союзных республик и национальных окраин. Яркие живописные колонны закавказцев, туркмен, узбеков и др. представляют собой броские пятна на фоне одетых в серый камень московских улиц. По улицам образуются шпалеры зрителей. Москва уже живет под знаком Спартакиады. В разгар уличного движения на Тверской тянутся маленькие и большие группы велосипедистов и

Страница из альбома «Спартакиада 1928»

мотоциклистов — участников всесоюзного звездного мотовелопробега. У всех надписи, говорящие о покрытом пути.

Вечером ленинградский поезд доставляет в Москву самую крупную по численности группу иностранных рабочих спортсменов — немцев и французов. После многолюдного митинга на дворе Октябрьского вокзала, немецкие мотоциклисты, одетые в красное трико, с развернутыми знаменами, занимают голову колонны, состоящей из 11-ти автобусов и нескольких легковых машин, вся процессия пересекает Каланчевскую площадь и, привлекая всеобщее внимание, направляется по Мясницкой улице к центру. Иностранцы бросают из окон приветственные лозунги и машут шляпами, красными флажками, просто руками, нередко стиснутыми в кулак — это красные фронтовики. Скопившиеся по обеим сторонам улицы на тротуарах людские толпы не остаются безучастными и, в свою очередь, приветствуют иностранных гостей — зарубежных пролетариев. Оригинальное зрелище быстро собирает новые толпы зрителей. Вот колонна мотоциклов, автомобилей и автобусов с иностранными товарищами, все живее и живее реагирующими на братскую встречу в красной столице, под звуки «Интернационала», поющегося на нескольких языках, равняется с трамваями, наполненными публикой. Секунда — мощный порыв классовой солидарности получает свое наглядное и яркое выражение. Десятки рук, протянувшихся из автобусов, встречаются в крепком рукопожатии с десятками рук, ответно протянутых из открытых окон и площадок трамваев. Момент исключительного подъема, незабываемой живости и красоты...

И вот, наконец, парад, открывавший Спартакиаду: «Немало спортивных парадов видела Красная площадь. Но парад Спартакиады превзошел их все своей организованностью и богатством красок. На прилегающих к центру улицах тротуары были заполнены зрителями.

Красная площадь переливается всеми цветами радуги из одетых в легкие спортивные костюмы рядов физкультурников и физкультурниц. Красными пятнами группируются знамена. Десятки тысяч бронзовых, закаленных физкультурой стройных тел разукрашивают площадь пестрыми прямоугольниками сплоченных рядов.

С последним — одиннадцатым — ударом часов на Спасской башне Кремля перед рядами физкультурников показывается организационный комитет Спартакиады...

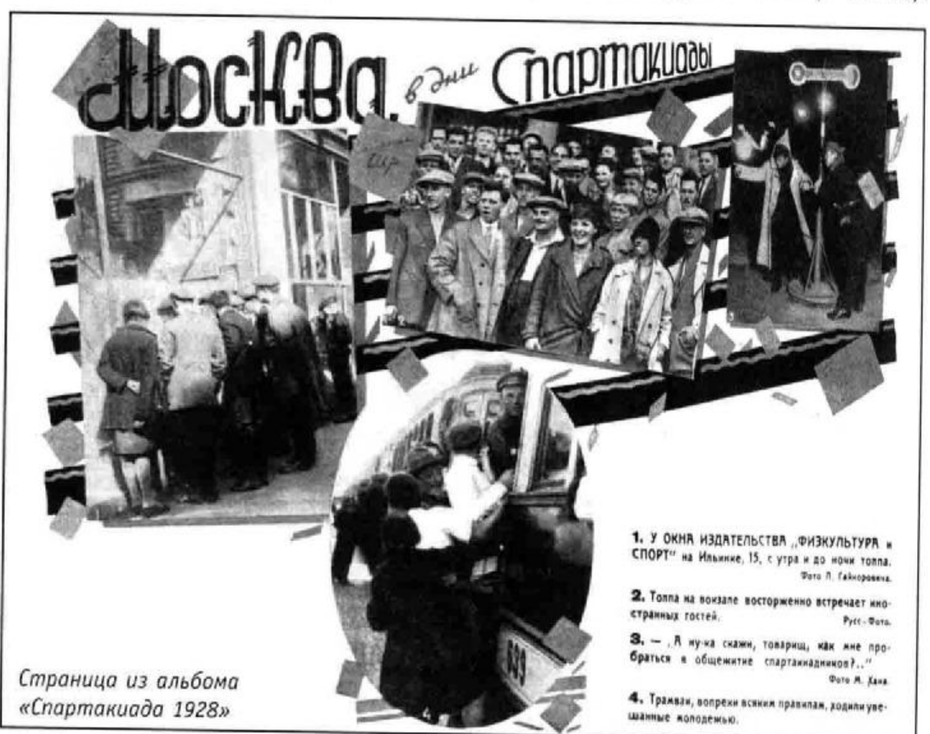
Москва — экспансивнейший город. Он быстро преображается. Он умеет улавливать дух сегодняшнего дня. Люди и улицы Спартакиады стали подлинно «спортивными». На всем — печать бодрости и здоровья! Улицы смеются плакатами, заряженные какой-то внутренней зарядкой, отчего поступь у них четче, энергичнее. «Суровая Москва» стала волнующейся. Она заряжена лихорадкой спорта.

Ехали на стадионы, как в 20-м году, на товарных поездах. Не в вагонах, а НА ВАГОНАХ, висели на ступеньках, на ремнях, на буферах: стояли на одной ноге. Да и то... на чужой!

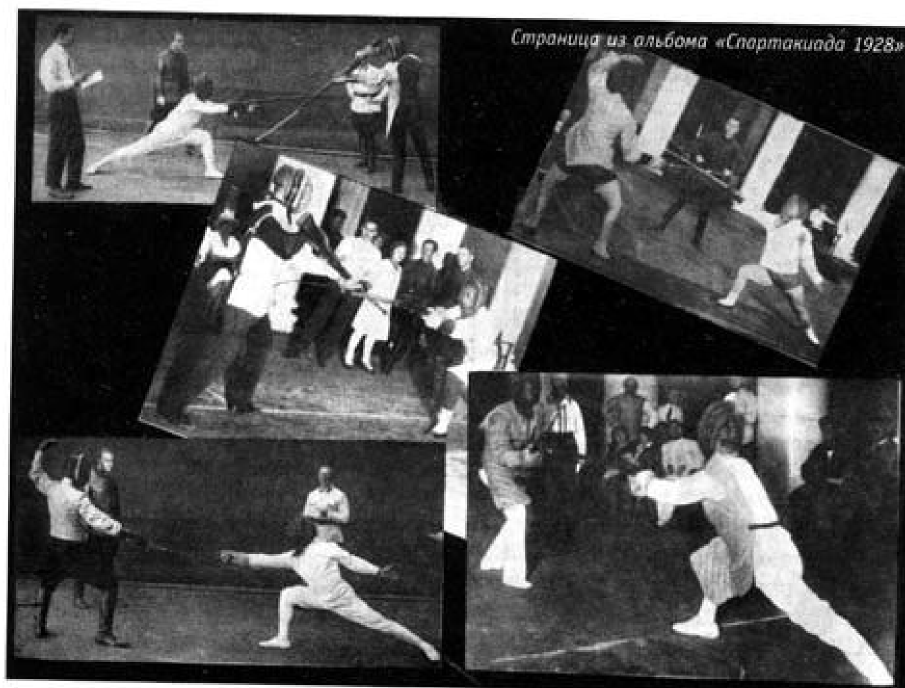
Милиционеры, эти строгие блюстители порядка, позабыв о штрафных книжках, терпеливо смотрели, как люди вскакивали на ходу или висели гроздьями на ступеньках трамваев. Тем самым они как бы демонстрировали участие в общем празднике. В эти дни все пути, ведущие к стадионам, брались с боя, точно Бастилия...»

Участники состязаний по фехтованию были разумно разделены на две группы. В более сильную «группу А» вошли команды со старыми спортивными традициями и большим опытом — московская, ленинградская, украинская. «Группу Б» составили представители местностей, сравнительно недавно ступивших на спортивную стезю и обладавших меньшими возможностями.

В упомянутом альбоме, отлично оформленном для тех лет, Константин, не без понятного удовольствия и гордости, мог видеть в списке победителей и свою фамилию: «Группа Б. Штык (17 человек):

Страница из альбома «Спартакиада 1928»

Страница из альбома «Спартакиада 1928»

1) Климов (Сев. Кавказ) 7:8; 2) Антонов (Закавказье) 6:129; 3) Булочко (ЦЗР) 4:12...». А чуть повыше: «ПЕРВЕНСТВО ОБЩЕКОМАНДНОЕ: ...(ГРУППА Б): 1) Центр.-Земл. р.».

Да, ветераны Западного фронта не подвели земляков! И в числе победителей был и дебютант Булочко, достойно внесший свой, и самый большой вклад в общекомандную победу. Конечно же, это был очень большой его успех и замечательная победа!

Свой спартакиадный диплом за призовое место Костя получал, как и все победители, не где-нибудь, а на сцене Большого театра. И если дипломы были выдержаны в сугубо пролетарском духе: с серпом и молотом на обложке, то призы явно грешили недостаточной идейностью: старые серебряные кубки, ковши, бронзовые статуэтки, не только современной реалистической работы, но и копии знаменитых античных скульптур вплоть до совсем уже недопустимо буржуазного Меркурия, бога торговли и вестника богов, у которого, правда, удалили крылышки на голеностопных суставах, а в руку дали флажок...

«Празднество пролетарского спорта закончилось торжественным заседанием в Большом театре. На великолепно декорированной сцене, вокруг обрамленного цветами бюста Ленина расположились представители республик и районов. Слева от стола президиума — призы — бесчисленные фигуры, статуэтки, кубки и первый приз — знамя ЦИК СССР. Торжественное заседание открывается речью тов. Енукидзе:

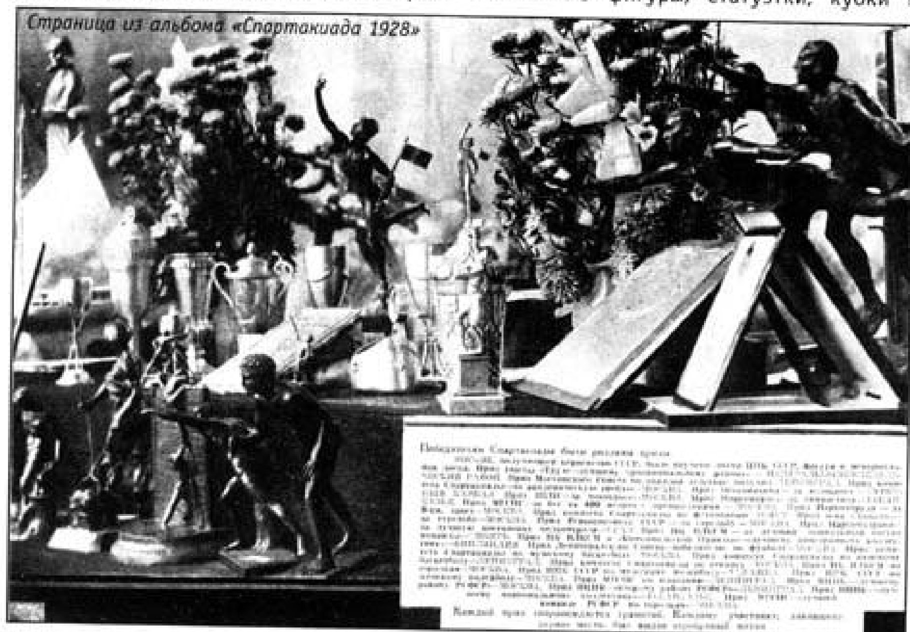
— Быть может, нашему Союзу придется защищаться от врагов. Им мы противопоставим нашу массовую, товарищескую спайку, являющуюся одним из результатов физкультуры. Мы с удовольствием отмечаем присутствие на празднике делегации иностранных товарищей...».

В те годы ни одно более или менее заметное торжество не обходилось без длиннейших, предельно революционно насыщенных речей хотя бы второстепенных советских вождей. А спортсмены слушали, дружно аплодировали и терпеливо ждали вручения призов и дипломов...

Спартакиада, как и было задумано, явилась самым массовым спортивным состязанием в мире. Существуй уже в те годы Книга рекордов Гиннесса, не миновать Спартакиаде ее страниц: соперничество в 21 виде спорта (от тенниса до городков), 7125 участников (вместе с судьями, врачами и прочим необходимым персоналом, 612 спортсменов из 17 стран). К тому же были тогда не только состязания, но и веселое, пышное празднество.

На площадях и в парках выступали танцоры и певцы из национальных республик. Демонстрировали свое искусство армянские и узбекские борцы. Можно было увидеть «корригирующие упражнения на границе балета», выступление московской «Ассоциации Ритмистов» и заводских спортсменов, «строящих» популярные в те годы замысловатые гимнастические пирамиды. Узбеки «с большим мастерством провели инсценировку «Раскрепощение женщины»», а рядом постановка учащихся 42-й трудшколы «Марш физкультурника» с музыкой и стихами: «Должен владеть, как машиною, телом...»

«Подлинным чемпионом СССР явился массовик-зритель». Действительно, публику всеми силами старались «привлечь» к веселью: начиная с «разбивания цилиндра Чемберлена» с завязанными глазами и кончая массовой игрой-инсценировкой «Мировой Октябрь», организованной специалистом идейных «массовых действ»,

Победителям Спартакиады были розданы призы

Каждый приз сопровождается грамотой. Каждому участнику, занявшему

Страница из альбома «Спартакиада 1928»

Фото из альбома «Спартакиада 1928»

бывшим тренером по боксу Аркадием Харлампиевым. Там с упоением «воевали» ребятишки в бумажных колпаках, символизирующих буденновские шлемы. «Масса жила полными чувствами. Взрослые рабочие скакали на деревянных палочках, изображавших лошадей, разбивали петарды, крутили трещотки, бежали в атаку на «буржуазию» с неменьшим увлечением и, во всяком случае, с той же непринужденностью и весельем, как это проделывали рядом с ними их дети...»

Венцом торжеств стал «Карнавал на Москва-реке». «Симфония огней карнавала положительно ошеломила москвичей. Они не подозревали, как прекрасна может быть Москва-река ночью и сколько жизни, красоты и веселья может дать она при минимуме затрат».

Немудрено, если от всего этого пересыщенного «веселья» у Булочко, как и у многих других приезжих спортсменов, кругом шла голова...

Домой он вернулся героем города: ведь именно он показал наилучший результат во всей команде, да и I командное место в значительной мере обеспечили «заработанные» именно им очки. Неслучайно даже столичная спортивная печать специально отметила его как одного из лучших на Спартакиаде юношей-«штыковиков».

Последний год своей военной службы спартакиадный герой провел... в хозвзводе военного трибунала Западного фронта и Западного военного округа. Это может показаться непонятным, но, похоже, что подобная «синекура» позволяла уделять максимум времени фехтовальной тренировке.

После демобилизации Константин поработал год инструктором физкультуры во 2-й железнодорожной школе Смоленска. У него уже вполне хватало знаний для этого. А затем, исполняя заветное желание, в 1930 году стал студентом Ленинградского государственного института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта...

Исполнение такой его мечты стало возможным только при советской власти. До революции безграмотному сыну белорусского крестьянина, при всем его замечательном таланте фехтовальщика, «светила» бы лишь роль «монитора» — «низшего чина», натаскивавшего господ офицеров в фехтовальном зале, их услужливого «спарринг-партнера».

Совсем недавно по телевидению демонстрировался документальный фильм, снятый «жалостливыми» чехами, с 1968 года так и не изжившими свой антироссийский синдром, посвященный весьма посредственной поэтессе Серебряного века Зинаиде Гиппиус, известной ныне лишь литературоведам — специалистам. В ее творческом «наследии» есть такие «яркие», но остающиеся неизвестными ее поклонникам стихотворные строки:

Петля Николая чище,
Чем лапы серых обезьян.

О чистоте деникинских, шкуровских, семеновских, слащевских и многих других белых удавок мадам почему-то скромно умолчала, но зато пообещала личное участие в развлечении «висельников», пригрозив всем тем, кто лишил ее прежнего уюта и довольства: «В молчании повесим...».

А затем «выдала» еще один политико-поэтический шедевр:

И в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь...

Однако же народ нипочем не желал возвращаться в дореволюционный гиппиусовский «хлев» и очень убедительно доказал это за пять кровавых лет Гражданской войны.

Это чистейшая правда, что зверская жестокость беспощадно бушевала в военные годы и с красной, и с белой стороны. Но столь же бесспорной истиной является то, что при «царском режиме» десятки тысяч талантливейших людей так и умирали безграмотными или полуграмотными в своих покосившихся, крытых соломой избах или сырых подвалах рабочих казарм. Они, действительно, никак не могли перешагнуть порог того самого «хлева», в который загнали их чиновные властители России и поместное дворянство, веками паразитировавшее на своих «крепостных душах». Теперь же советская власть открыла для всех этих бывших «мизераблей» широкую дорогу в науку и культуру. И как там кровожадно ни шаманила обожавшая себя старая белоэмигрантская дама («*Люблю себя, как Бога...*») и испытывавшая животную ненависть к своему народу, дела в области образования в «Совдепии» шли совсем не плохо.

Было голодно и холодно, но при всей этой скудности жизни народ, и особенно молодежь, шел в школы, «ликбез», «фабзауч», а затем в вузы и даже в аспирантуру, превращаясь в первые поколения советской интеллигенции, которая убедительно доказала, что она ничем не хуже, а может быть, и интеллектуальнее прежней — дворянской. И в числе этой целой армии молодежи, рвавшейся из тьмы невежества в свет науки, был и Костя Булочко...

Ленинград стал еще одним огромным городом, очаровавшим Костю, на этот раз своей изысканной и строгой красотой. Хотя времени, чтобы любоваться ею, у него было немного.

Хорошие фехтовальные навыки и некоторый педагогический опыт, полученный за год преподавания в Смоленской железнодорожной школе, позволили ему с первых же студенческих лет начать... и преподавание в том же институте, в котором он только еще начал учиться. Так что студенческие годы Константина были мало похожи на веселую и сравнительно беззаботную жизнь его однокурсников. Булочко не только учился сам, но и преподавал, работая ассистентом на кафедре физической подготовки в РККА по фехтованию и, плюс к этому, постоянно и усиленно тренировался сам.

Ленинград — российский город с самыми старыми фехтовальными традициями и целой армией лучших в Советском Союзе мастеров в этом виде спорта. Именно они одержали командную победу на Спартакиаде-1928. Чтобы иметь возможность на равных скрестить с ними клинки, было недостаточно одной лишь природной одаренности, требовалась целенаправленная, с учетом боевых особенностей будущих знаменитых соперников, упорная тренировка. Выйдя в 1933 году на фехтовальную дорожку, новоиспеченный ленинградец сумел серьезно огорчить своих новых именитых земляков, отобрав у них на первенстве города звания чемпиона в «штыке» и «эспадроне». И лишь в сравнительно новом для Константина виде оружия — рапире — питерским мэтрам удалось остановить его на самом пороге по пути к третьему чемпионскому званию, оставив на II месте.

Следующий, напряженный год окончания института со сдачей госэкзаменов и вступлением в должность заведующего кафедрой фехтования и рукопашного боя, на которую Булочко был утвержден сразу же по завершении высшего образования, в сфере фехтовальных успехов сложился скромнее. То ли времени на тренировку оставалось недостаточно, то ли встревоженные питерские «аборигены» особенно усердно готовились специально «под строптивого смоленского красноармейца», но на очередном первенстве подняться выше II места и в «штыке», и в «эспадроне» ему не удалось...

В 1935 году Константину снова приходится ограничиться только II местом в «эспадроне» на первенстве города, в котором участвовало уже 22 спортсмена. Зато для нашего фехтования, которое в советском спорте обреталось в качестве Золушки, этот год во многих отношениях стал переломным.

До этого фехтование в течение «примерно 5 лет переживало упадок вследствие ошибочных взглядов на этот вид спорта некоторых руководителей,

Довоенный Ленинград. Булочко в роли судьи

считавших его устаревшим, а поэтому и ненужным. Фехтовальная жизнь почти замерла». Теперь же наступило очень заметное оживление.

Прежде всего, в Ленинграде был проведен Всесоюзный слет мастеров, который стал вторым, после Всесоюзной спартакиады, за годы советской власти фактическим первенством СССР.

«В порядке подготовки к Всесоюзному слету были разыграны первенства городов: Харькова, Киева, Баку, Ленинграда и др.». А затем состоялось первенство и в столице, которая в 1933-м вообще не провела городского чемпионата, но... всего лишь для второго разряда. В Ленинграде, который победил на Всесоюзном слете, кроме всего прочего, состоялся матч трех городов: Москвы, Ленинграда и, отнюдь неслучайно, провинциального Смоленска, который сумел сохранить свои фехтовальные традиции военных времен. В следующем году матч повторился, чтобы еще через год, превратившись уже в матч четырех городов (плюс Харьков), пройти в Смоленске, который и тогда был на III месте. И совсем уже неожиданным стало такое же III место «фехтовальной родины» Булочко на Всесоюзном слете, где смольчане сумели опередить даже сборные команды союзных республик.

Еще год назад неугомонный Булочко, даже находясь на летнем отдыхе в сочинском санатории РККА им. Ворошилова, недолго усидел без дела и провел первую опытную работу по обучению фехтованию детей. Ребятишки занимались с большим увлечением, овладевая «мушкетерским» спортом, и результаты были только положительные. Опираясь на этот успешный опыт, Константин уже в 1935 году организовал в Ленинграде первую в Советском Союзе детскую спортивную фехтовальную школу. Затем еще одну и даже соревнование между учениками этих двух своих спортивных школ.

Тот же Булочко, силами своих студентов, поставил на физкультурном параде 35-го года на Красной площади отличную инсценировку рукопашных боев, опираясь на практику пограничных конфликтов на Востоке и разгрома в конце 20-х годов белокитайских войск, захвативших построенную Россией Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Восхищенный Ворошилов тогда сказал: «В своей жизни я видел немало штыковых атак, но то, что показали ленинградцы в имитации штыкового боя, достойно похвалы и восхищения!» А Ленинградский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов наградил Константина грамотой «За хорошую постановку военно-прикладных дисциплин и отличную подготовку военного номера».

В будущем Булочко еще не раз будет участвовать в организации и проведении физкультурных парадов и в Ленинграде, и в Москве с впечатляющими рукопашными инсценировками и получать за это грамоты.

Главным стимулом, «разбудившим» наше фехтование, стала, конечно же, первая за все 18 лет советской власти международная встреча.

По многим другим видам спорта советские спортсмены уже не раз состязались со своими зарубежными коллегами из рабочих спортивных клубов. Но дорогостоящим и «аристократическим» фехтованием иностранные рабочие не занимались, и все первые 18 лет существования страны Советов наши мастера рапиры и эспадрона были вынуждены вариться в собственном соку. И вот вдруг в 35-м — первое международное! Да еще не с рабочими, а со сборной соседней буржуазной страны! И пусть была это всего-навсего Турция, по нынешним меркам, «развивающаяся страна», состязание было настоящей сенсацией!

Разгадка дружески-теплого отношения СССР к южному соседу заключалась в том, что Турция Ататюрка Кемаля числилась у нас в друзьях по разряду национально-освободительного движения, которое она якобы осуществляла по отношению к Западу. Хотя в действительности Кемаль уже давным-давно успел установить с ним достаточно теплые отношения, особенно с Германией, которая хозяйничала в Турции вплоть до 1945 года...

Фехтовальная сенсация оказалась, однако, весьма малоприятной. В отличие от наших футболистов и особенно боксеров, которые сумели чувствительно «отлупить» дорогих турецких гостей, наши «Д`Артаньяны» оказались разгромлены в пух и прах командой небольшой сельскохозяйственной страны, которая в международном рейтинге котировались где-нибудь на 20-м месте. Пощечина «лучшему в мире советскому спорту» была настолько звонкой и ошеломляюще-конфузной, что сегодня отыскание тех крохотных сообщений об этом, запрятанных на последние страницы спортивной периодики, потребует немалого труда, конечно, если они вообще публиковались! Тем более, что повторные встречи в 36-м году, теперь уже без «рапиры», только по «эспадрону», снова подтвердили безусловное превосходство турок. Только в московской советские «мушкетеры» добились ничьей, а ленинградскую и киевскую проиграли.

Объяснялось все очень просто. Еще с 1914 года, с начала I мировой, для российских мастеров фехтовальной дорожки были наглухо закрыты даже самые общие сведения о развитии техники и тактики мирового фехтования. И так целых 20 лет! Резкое ускорение передвижения по дорожке и даже «флеш-атака» — «атака-стрелой», которая известна сегодня даже новичкам, явились для наших мастеров неприятнейшим сюрпризом. А турки, худо-бедно, но уже успели кое-что перенять у французских и итальянских маэстро.

Только лишь один «старик», бывший «монитор» офицерской фехтовальной школы, чемпион СССР Т.И. Климов оказался туркам не по зубам и победил в обоих своих боях — и в 35-м, и в 36-м годах. В 1937-ом он первым из советских фехтовальщиков был удостоен почетного, недавно утвержденного звания «Заслуженный мастер спорта» и плюс к этому — ордена «Знак Почета».

Теперь-то, в 37-м, всё, наконец, стало совершенно ясно! Уже много лет ортодоксы спортивно-большевистской идеологии придирчиво «сортировали» виды спорта, беспощадно «отфильтровывая» «пролетарские» от «буржуазных». Они сразу «раскусили» фехтование — этот «ненужный, аристократический вид спорта». Но чекисты, как рентгеном, просветили «истинную сущность» маскировавшихся под ортодоксов непримиримых наших «недругов»: «Пробравшиеся в то время к руководству физической культуры враги народа стремились задержать развитие фехтовального спорта..., прививали вредный взгляд на фехтование, выхолащивая из него оборонное значение». И только после конфузного разгромного поражения в «турецкой войне» «лучших в мире советских спортсменов» даже нашим власть предержащим стало вдруг ясным большое военно-прикладное значение фехтования.

Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при СНК СССР издал специальный приказ № 634 от 16 ноября 1938 года, в котором, «отмечая особое значение фехтования как оборонного вида спорта», требовал значительно большего внимания к его развитию. Пункт 8 приказа отмечал «большую работу ленинградских фехтовальщиков во главе с мастером по фехтованию тов. Булочко по фехтовальному спорту среди подростков» и предлагал повсеместно перенимать этот передовой и ценный опыт, а также организовать изготовление специального детского фехтовального инвентаря.

С того же 38-го года начало регулярно проводиться первенство страны по рапире, эспадрону, штыку и, впервые, на шпагах. В отличие от прежней, теперь фехтовальная винтовка с эластичным штыком в точности соответствовала весу и габаритам «трехлинейки», вплоть до деревянной «магазинной коробки». Для женщин и детей допускалось пользование более легкими образцами.

Если два года назад Константин сумел лишь вернуть потерянное было звание сильнейшего «штыковика» Ленинграда и сохранить свое II место в «эспадроне» и «рапире», то теперь он вышел на фехтовальную дорожку Всесоюзного первенства, чтобы вести бескомпромиссную борьбу за титул чемпиона страны. И домой из Москвы вернулся с двумя чемпионскими жетонами — за «эспадрон» и «рапиру». Хорошо выступили и другие члены ленинградской команды, с которыми мы еще встретимся: М.В. Лукичев и И.Э. Кох.

В следующем, победном для питерской команды 1939-м году Булочко отстоял свое чемпионское звание в «рапире», прибавив к этому «штык» и троеборье (рапира, эспадрон и штык), но год спустя сумел сохранить лишь свое «штыковое чемпионство».

Между тем, отвечая требованиям времени, в Горьком впервые прошло лично-командное первенство по спортивному рукопашному бою. Сегодня этот не совсем понятный вид спорта озадачивает и сбивает с толку даже специалистов. Что же представлял собой этот самый, прочно забытый ныне «рукопашный бой», практиковавшийся с конца 30-х до середины 40-х годов?

А был этот непонятный «спортивный рукопашный бой» всего-навсего «военизированным двоеборьем»: преодолением 150-метровой полосы препятствий и фехтованием на эластичных штыках, но не на дорожке, а в круге, который, как и в реальном бою, позволял передвижения в любом направлении, а не только вперед и назад. «Это двоеборье сыграло в дальнейшем немалую роль при подготовке строевых резервов Советской Армии...».

Дочь Константина Трофимовича Людмила любезно выслала мне из Петербурга интереснейшие материалы из отцовского архива. Среди них — уникальная фотография второй половины 1930-х годов, запечатлевшая прохождение то ли колонны армейских спортсменов на одном из состязаний по рукопашному бою, то ли участников военных сборов, на которых Булочко уже в то время проводил обучение штыковому бою. Она замечательно точно передает не только реалии, но и сам дух тех далеких лет. Красноармейцы бодро шагают то ли с «победно-красной» песней, то ли с криком «Ура!». Бросаются в глаза их мятые, неглаженые галифе, со сморщенными складками, плохо «заправленные» под ремень гимнастерки. Один из них машет куском какой-то материи, несомненно, красного цвета, демонстрируя дыру у себя на плече. Во главе колонны, крайним справа, прямо в обрез фотографии, можно видеть Булочко, который, как и другие фехтовальщики, готовясь к боям, уже обулся, вместо сапог, в гетры и тапочки...

После завершения в 1939 г. большого чемпионского этапа в карьере Константина, начинается другой и не менее значительный — научно-педагогический.

К тому времени в советском фехтовании уже горела ожесточенная полемика, высказаться о которой я дам ее активному, но достаточно объективному участнику, заслуженному мастеру и заслуженному тренеру СССР В. Аркадьеву: «Критический подход к историческому наследию, исключающий бездумное принятие ценностей предшествовавшей культуры, развился в эти годы в особое направление в фехтовании, иронически окрещенное его противниками «новаторским». В свою очередь, «новаторы» называли своих противников, также не без иронии, — «классиками».

Последние утверждали, что исторические школы фехтования — французская и итальянская, созданные во времена большого прикладного значения владения холодным оружием и обобщающие опыт многих десятилетий успешной спортивной практики, совершенны, поэтому они должны быть без изменений восприняты советскими фехтовальщиками.

«Новаторы» утверждали, что в классических школах фехтования много догматизма, много освященного старинной традицией и мало национальной естественности и научности.

«Новаторское» течение возглавляли В. Аркадьев, К. Булочко, А. Пономарев и И. Манаенко. Фехтовальную классику

Армейский ф/к праздник. Булочко — крайний справа

защищали и утверждали В. Андриевский, А. Богданов, Т. Климов, Р. Чернышова и др.

Борьба направлений носила весьма упорный характер, возникали ожесточенные споры и полемические выступления в спортивной печати. Активнее в это время были «новаторы». Однако спортивные результаты не давали заметного преимущества фехтовальщикам какого-либо одного направления. Безрезультатность борьбы обуславливалась еще тем обстоятельством, что советские фехтовальщики в это время не имели спортивных связей с лучшими зарубежными представителями фехтовального спорта. Не имея представления о действительном международном соотношении сил, «новаторы», отвлеченно исходя из общих принципов передовой советской системы физического воспитания, переоценивали силу советского фехтования и преждевременно выдвинули идею становления советской школы фехтования. Борьба этих двух направлений, несмотря на то, что их представители нередко впадали в крайности, содействовала развитию советского фехтования».

Эти строки, не без откровенной самоиронии написанные более 20 лет спустя одним из «новаторов» — В. Аркадьевым в своем учебнике, представляются мне вполне справедливыми. Кроме, может быть, одного: вместо «объективного» аркадьевского расположения по алфавиту «новаторов» и «классиков», я бы во главу первых поставил Булочко, а вторых — Климова...

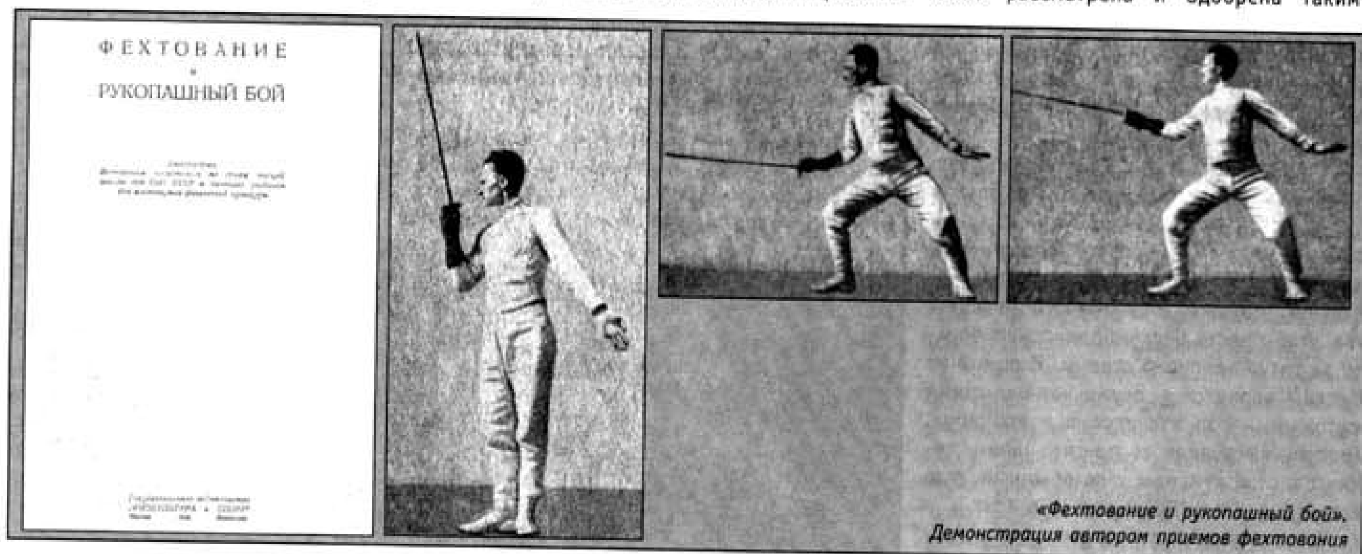
Уже в предвоенный период Булочко вполне справедливо удостаивается высокого звания «Заслуженный мастер спорта» и готовит к печати свою главную, в спортивной сфере, работу — коллективный труд «Фехтование и рукопашный бой» — первый советский учебник для института физкультуры по данному предмету.

Международная обстановка уже не позволяла ограничиваться всего лишь старым добрым классическим фехтованием, но настоятельно требовала овладения еще и ближним боем во всем его объеме. Для создания учебника в 1939 году была образована, как тогда говорили, «бригада специалистов». «Бригадиром» являлся Булочко. В отличие от некоторых современных авторов-составителей, Константин отнюдь не старался «отхватить» для себя максимум разделов книги из гонорарно-престижных соображений. Он пригласил для участия в книге лучших в своей области ленинградских специалистов, оставив себе только «Основы методики обучения и тренировки» и в фехтовании, и в рукопашном бое, «Фехтование на рапирах» и раздел «Развитие рукопашного боя» в исторической главе. Являясь чемпионом Союза 1938-го года по эспадрону и 1939-го — по штыку, он отдал написание соответствующих разделов М.В. Сазонову и М.В. Лукичеву. Последними были написаны главы: «Фехтование на винтовках с эластичным штыком», «Бой с коротким оружием» и «Организация соревнований и судейства». Для написания главы «Приемы боя невооруженных и невооруженного против вооруженного» был приглашен уже известный нам с вами И.В. Васильев. Специальная глава была посвящена технике рубки шашкой, которая состояла тогда на вооружении не одной кавалерии, но и комсостава артиллерии, и не только у нас. Интересно отметить, что в этой главе предусматривался и способ защиты от укола таким, казалось бы, безнадежно архаическим оружием, как пика, которой, впрочем, в предвоенные годы были еще вооружены наши казачьи кавалерийские части.

Проработавший 30 лет заведующим кафедрой фехтования заслуженный тренер СССР, доктор педагогических наук Московского инфизкульта, заслуженный мастер спорта профессор Р.А. Тышлер сказал мне: «Булочко! Он был очень талантливым человеком. И не только в фехтовании. Мы тогда располагали только учебником профессора И. Сивербрика «Руководство к изучению фехтования на рапирах и эспадронах», изданным еще в 1858 году. А Булочко привлек к написанию своего учебника — впервые — даже психолога А.Ц. Пуни[1]. И это получился отличный учебник!»

Было бы несправедливо, говоря об учебнике, не предоставить слово московскому сопернику Константина В.А. Аркадьеву. Уже в своем собственном учебнике, вышедшем 2 десятилетия спустя, он написал: «В 1940 году издается учебник для институтов физической культуры под названием «Фехтование и рукопашный бой» под общей редакцией К. Булочко, В. Добровольского и А. Пуни. Книга эта, несмотря на ряд погрешностей, связанных с молодостью советского фехтования, была всеобъемлющим трудом, освещающим все стороны фехтования и подготовки к рукопашному бою, и, долгое время являясь настольной книгой преподавателей фехтования, сыграла большую роль в становлении советской теории фехтования». Несомненно, это был очень значительный успех всего авторского коллектива и, конечно, его 30-летнего «бригадира»!

Сразу же вслед за учебником Булочко пишет институтскую программу, которая была рассмотрена и одобрена такими

«Фехтование и рукопашный бой». Демонстрация автором приемов фехтования

[1] *Пуни стал не только автором главы «Психологические предпосылки к обучению и тренировке», но и одним из трех соредакторов выпущенного большим, 10-тысячным тиражом учебника — вместе с Булочко и В.К. Добровольским.*

мэтрами, как Т.И. Климов, Ю.К. Мордовин и др. Программа преподносит почасовую разбивку прохождения изложенного в учебнике материала на каждом из 3-х курсов для мужских и женских групп с зачетными нормативами, домашними заданиями и всем прочим необходимым. В названии программы стоят те же слова, что и на обложке учебника, но теперь они, совсем не случайно, поменялись местами. На первое место выходит то, что стало уже наиболее актуальным: «Рукопашный бой», а лишь затем — фехтование.

Точно так же называлась и следующая работа Константина, созданная в соавторстве с Лукичевым и утвержденная Спорткомитетом в качестве учебного пособия для физкультурных коллективов в том же «урожайном» на публикации 40-м году. В разделах «Организация соревнований», «Действия, необходимые в рукопашном бою» (различные виды передвижений в боевых условиях, преодоление естественных и искусственных препятствий и гранатометание) и «Бой коротким оружием» соавтор Булочко повторил, с небольшими изменениями и дополнениями, свою публикацию в институтском учебнике.

В главе «Бой коротким оружием» Лукичев писал: «В спортивных секциях приемы боя коротким оружием в основном прорабатываются в порядке ознакомления...». По характеру работы короткое оружие делилось «на две группы: а) которое держат двумя руками (винтовка без штыка, большая саперная лопата, лом и т.п.; б) которое держат одной рукой (малая лопата, ключ танкиста, штык, нож и т.п.). Техника приемов боя для всех видов одинакова. Поэтому приемы защит и контрнападений изучаются для первой группы лишь с винтовкой без штыка, а для второй группы лишь с малой лопатой или ножом. Во всех видах боя с коротким оружием преобладает тактика активной обороны. Исходным положением для ведения боя являются вызовы (приглашения противника на атаку) путем открытия какой-либо части своего тела». После отбива оружия противника, в зависимости от направления отбива, наносился тычок стволом винтовки или передним краем лопаты: удар справа налево мушкой винтовки или острием лопаты по голове («режущий удар»); удар стволом или лопатой слева направо и удары прикладом.

Действия малой лопатой в основном повторяли то же, что требовало НПРБ-38: отбив, сближение с захватом оружия противника свободной рукой и «режущий» (точнее — рубящий) удар.

Эта публикация стала последней в жизни ленинградского мастера М.В. Лукичева: вернуться с фронта ему уже было не суждено...

Всю остальную — большую часть пособия исполнил Булочко. Он взял на себя даже написание разделов «Бой двух невооруженных» и «Бой невооруженного с вооруженным».

В первом из них он в значительной части повторил материал И. Васильева, своего соавтора по учебнику. Хотя было бы несправедливо не сказать, что основным и обязательным «стержнем» обоих материалов являлось обязательное, официально утвержденное НПРБ-38. Константин тоже приводит элементарные приемы «вольной борьбы (самбо): падения, кувырки и заднюю подножку под одну и две ноги. Для тренировки на травяной площадке или в зале — на матах площадью 6 х 6 м — проводится борьба, в которой разрешены захваты туловища, упор руками в подбородок для освобождения от такого захвата, захваты ног, подножки, броски и т.п. Что касается защиты и контрнападений при обхвате туловища спереди и сзади, то все они заимствованы у Васильева и изложены очень кратко, практически, просто перечислены.

Приснопамятный Г. Панченко в одной из книг своего «полного собрания сочинений»[2] мимоходом обвиняет Булочко в «почти полном отсутствии кулачных ударов». Не иначе как предвидя подобное вздорное обвинение, Константин, дополняя НПРБ-38, дает сравнительно подробную иллюстрированную 4-страничную главку «Приемы кулачного боя», как он именует английский бокс. К сожалению, в описании боксерской техники присутствуют ошибки.

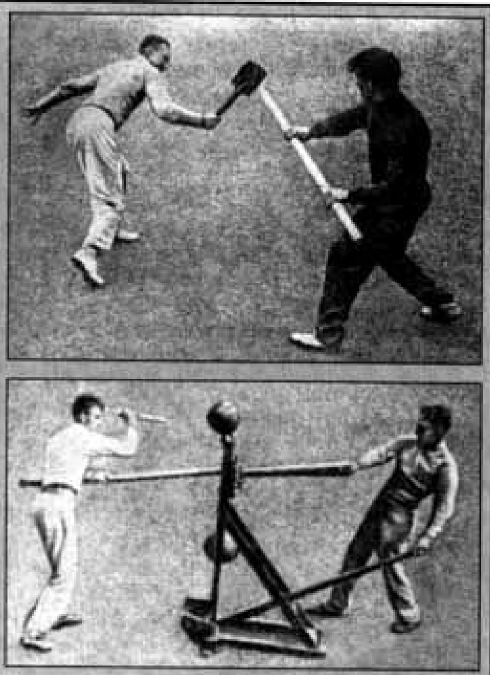
При всем моем большом уважении к автору, я не могу не заметить, что правильно поставленный боксерский удар гарантирует от повреждения кулака и обладает весьма внушительной силой воздействия на противника, но требует для «отработки» довольно значительного времени в сочетании с безукоризненной методикой. К сожалению, ни того, ни другого в распоряжении автора не имелось. А в этих случаях, во избежание повреждения не очень прочных костей кисти («рассчитанной» природой на «хватание», а не на удар), целесообразно использовать боксерские удары в части тела противника с прочной костной «подкладкой» в исключительных, неизбежных случаях, а во всех других — заменять их ударами ребром или основанием ладони, локтем и т.п.

Подраздел «Бой невооруженного с вооруженным» тоже во многом повторяет и НПРБ, и Васильева, хотя и несет ряд полезных дополнений. Имеет смысл специально отметить защиту и контрнападение при ударах ножом. Разумеется, приведена «официальная» «вилка» с последующими ударами ногой в пах, рычагом локтя вниз, выбивающим нож дожимом кисти или вывертом вооруженной руки с подножкой. «В спортивных схватках приемы и действия проводятся в фехтовальных костюмах. Изучаются приемы наступления с ножом, винтовкой и защиты от них с контрна-

К. Т. БУЛОЧКО и М. В. ЛУКИЧЕВ

РУКОПАШНЫЙ БОЙ И ФЕХТОВАНИЕ

БИБЛИОТЕКА

«Рукопашный бой и фехтование». Демонстрация Лукичевым работы с ножом и лопаткой

[2] *Россия и ее соседи. М., 1997, с. 297.*

«Рукопашный бой и фехтование». Приемы «кулачного боя» (бокса)

падением. Широко используются защиты уходом назад, в сторону шагом, скачком, уклонения, приседания и т.п. уходы, так же, как и в штыковом бою. Атаки ножом наносятся сверху, снизу, сбоку, прямым ударом и с обманами. Защиты от ударов ножом производятся за счет подставки предплечья одной из рук или подставкой вилки. Защиты также выполняются отбивом предплечья одной из рук. При бое невооруженного с вооруженным отбивы можно производить ногами».

Однако, в отличие от красноармейцев, спортсмены имели возможность при тренировке обезоруживания работать в фехтовальной амуниции. А фехтовальные перчатки с крагами позволяли очень удобно и безболезненно блокировать удары партнера «ножом» и сверху, и снизу, не прибегая к «вилке». В ту долю секунды, когда вооруженная рука была блокирована, у защитившегося открывались хорошие возможности контрнападения. При защите от удара сверху и слева, захватив блокированную руку и быстро перенеся поверх нее предплечье своей руки, нажимающее на плоскую часть лезвия, можно было выбить, точнее, «выкрутить» нож из руки противника, оставляя при этом свободными для контрдействий вторую руку и ноги. И я думаю, что именно с этого в арсенале Булочко началась конкуренция официальной «вилки» с блокированием вооруженной руки предплечьем. Эта конкуренция будет отражаться во многих его публикациях и, в конце концов, приведет к полному его отказу от обязательной по НПРБ «вилки».

Хорошо поработал Константин над «рапирным» и «эспадронным» разделами, но, конечно, особенно добротно и тщательно был отработан «штык». Чего здесь только не было! «Требовались технические и тактические навыки ведения боя винтовкой с боевым штыком, с тем чтобы сочетать в бою уколы с ударами прикладом, магазинной коробкой, стволом и ногой; вести бой без маски, применяя в бою различные защиты оружием, уходом тела, шагом, скачками и немедленно отвечать атакой на атаку». Разучивалась защита «голову закрой» от сабельных и иных ударов сверху, удары прикладом «сбоку» (в челюсть или висок) и «вперед» (в голову), а не лишний, особенно в траншеях, удар «снизу» почему-то отсутствовал. Простые и сложные действия с активным противником. Действия боевым штыком и бой на винтовках с эластичными штыками, 4 позиции и переход из одной в другую со схемами движения острия штыка в пространстве. Отбивы, «захваты», переводы и переносы. И все остальное, что так необходимо в спортивном фехтовании...

И разве мог Константин, вкладывая столько знаний и труда в свои разработки, предвидеть, что будущая и очень скорая война отменит изощренные и красивые штыковые дуэли, а он сам предложит значительно более простые, действенные и жесткие приемы ближнего боя?..

Удостоенный в 40-м году звания «Заслуженный мастер спорта», Булочко заканчивал работу над диссертацией. Но случилось так, что для многих миллионов наших людей все их радужные надежды, мечты, планы на будущее оказались в одночасье перечеркнутыми, уйдя в невозвратное время, называвшееся — «до войны»...

(продолжение следует)

«Рукопашный бой и фехтование». Обезоруживание от ножа

«Рукопашный бой и фехтование». Блокировка ножа

Капитан Булочко подводит итоги

М.Н. Лукашев

Мы все время ожидали войну, и все-таки 22 июня она обрушилась на наши головы так же внезапно, как стокилограммовые бомбы немецких «юнкерсов». А уже 26-го Константин надел новенькую, но знакомую с давних лет красноармейскую гимнастерку и, замотав портянки, «окунул» ноги в армейские сапоги. По военкоматскому недосмотру он с 29-го года так и продолжал числиться «старшим писарем», и теперь его срочно аттестовали лейтенантом и как специалиста направили в Управление боевой подготовки штаба Ленфронта старшим преподавателем Курсов усовершенствования командного состава по физическому образованию (КУКСО ФИЗО).

Основным предметом там, разумеется, был рукопашный бой. В строю учеников Булочко стояли офицеры и сержанты — будущие инструкторы десантников, войсковой разведки, истребительных отрядов и, конечно, пехоты — как обычной, так и морской. Он не только непосредственно вел преподавание, но еще и успевал писать необходимые методические пособия. Первым из них стала краткая недатированная листовка «Памятка бойцу. Как действовать штыком», напечатанная, вероятно, еще в июле-августе месяце. Это была поспешная попытка дать только что вставшим в строй красноармейцам и ополченцам хоть какое-то, пусть самое краткое, но толковое пособие по штыковому бою.

Надо полагать, что второе или одно из последующих печатных изданий Булочко, уже блокадного периода, было опубликовано в Кронштадте, тоже без указания года издания. Скорее всего, это был конец 41-го.

Очень тяжелое положение на фронте, который подступил уже к ленинградским окраинам, вынуждало оставлять на боевых кораблях Балтийского флота самый минимум необходимого персонала: небольшую часть комсостава, командоров, зенитчиков, механиков... А основная масса команды списывалась в морскую пехоту. В мирные предвоенные годы во флоте не слишком усердно упражнялись в приемах рукопашного боя: абордажные бои канули в Лету еще где-то в XVIII веке. И теперь «сухопутные моряки» очень нуждались в насущных пехотных навыках, в том числе и рукопашного боя. И если они очень быстро приобретали эти нелегкие навыки, наводя ужас штыковыми атаками на бывалых немецких солдат, суеверно называвших моряков «черными дьяволами», «полосатой смертью», то была в этом и заслуга лейтенанта Булочко. Подразделению таких «черных дьяволов», пробравшихся в немецкий тыл, удалось даже внезапное и невероятно дерзкое нападение на инспекционную группу старших штабных офицеров, которая была полностью уничтожена. Возглавлявший группу генерал был заколот штыком...

Булочко специально срочно выезжает в Кронштадт для обучения «опешивших» матросов. Именно в этой островной морской крепости в процессе занятий родилось первое из его блокадных методических пособий, в названии которого неожиданно и противоречиво «столкнулись» два, казалось бы, совершенно несовместимых понятия: институтски-студенческое — «конспекты» и беспощадно-фронтовое — «рукопашный бой». В эту свою работу — «Сборник конспектов занятий по подготовке к рукопашному бою» — Константин заложил полезную и весьма целесообразную новацию, которой потом широко пользовались инструктора Ленфронта.

Дело в том, что обучение рукопашному бою командиров и бойцов различных военных специальностей носило отнюдь не обобщенно-стандартизованный характер. Учить всех по единой, а следовательно, максимально насыщенной программе было недопустимой роскошью, и уж особенно в военное время. «Выдаваемое» представителям различных родов войск «невидимое оружие» обоснованно разнилось как в качественном, так и количественном отношении. Здесь господствовал экономный, но вполне разумный

Продолжение; начало см. в № 6/2003.

принцип: «каждому — по потребности». Ведь для саперов или связистов были совсем не обязательны боевые приемы, насущно необходимые разведчикам или десантникам. Таким же не одинаковым был и почасовой расклад занятий не только для различных, но порой и для одного и того же рода войск. Так, пехоте «отпускалось» на овладение рукопашными премудростями, в самом щедром варианте, — 20 часов. Однако, в зависимости от обстановки на фронте, эти 20 могли «съеживаться» до 15 и даже до 10 часов.

Таким образом, инструктор, в зависимости от того, с кем он сегодня работал, должен был исходить из какой-то одной из более чем дюжины различных программ. Но создавать и печатать программы на «все случаи жизни» было делом хлопотным и отнюдь не экономным. Да и пользование большим количеством различных «методичек» заведомо усложнило бы труд инструктора. Но Булочко нашел удачный выход из такого затруднительного положения. В своем «Сборнике» он полностью изложил весь учебный материал, необходимый для военнослужащих любой специальности, но сделал это в виде конспективно, но достаточно вразумительно изложенных, с толковыми схемами, отдельных уроков, которые по институтской привычке именовал просто «конспектами». А в конце своей работы поместил специальные таблички, из которых инструктор видел, какой именно набор «конспектов» и в какой последовательности следовало использовать при обучении лиц конкретной военной специальности. Или при преподавании полной 20-часовой, средней 15-часовой или 10-часовой сокращенной пехотной программы. Из указанных в таблице «конспектов» он, как из детских кубиков, полностью собирал необходимый ему в данном случае материал без лишней затраты времени и сил.

Удачно найденная Константином композиция «Сборника» была использована и Васильевым с Красоткиным в их «Методических указаниях по рукопашному бою»: тоже «конспекты», а в заключение — «График последовательности распределения конспектов уроков при обучении рукопашному бою бойцов разных специальностей».

Неутомимый даже в блокадных условиях, Булочко непосредственно сам преподавал на Курсах усовершенствования командного состава; при голодном пайке, тратя немало физических сил на показ приемов штыкового и рукопашного боя, писал «методички», выезжал в части и при всем этом умудрился найти время и силы написать очень полезную и своевременную книгу — «Обучение рукопашному бою».

К этому первому его довольно полному руководству имеет смысл внимательно присмотреться, потому что в нем уже угадываются штрихи его будущих новаторских работ по ближнему бою.

Действовавшее тогда «Руководство по подготовке к рукопашному бою Красной Армии» издавалось в 1941 году, в Москве, находившейся на осадном положении, в понятной сумятице и лихорадочной спешке. Многое полезное из того, что еще до войны было разработано Б.А. Сагателяном, сократили. И хотя старались учесть опыт недавних боев с Японией и Финляндией, слишком много нового и существенно важного выяснилось только уже в процессе тяжелейших сражений с немцами. Месяцы в осажденном Ленинграде давали значительно больше, чем многие мирные годы. И все это нужно было осмыслить, проанализировать и описать. Константин, хотя по обязанности и ссылался в своих «методичках» на РПРБ-41, конечно же, не мог не видеть серьезных его пробелов.

И свою книгу он создавал как своего рода детальный и хорошо продуманный комментарий к «Руководству», восполнявший его недочеты. И если «Организационно-методическим указаниям по подготовке к рукопашному бою» в «Руководству» уделялось всего 2 страницы плюс еще 5 страничек — «Проверке подготовки к рукопашному бою», то Булочко развернул свой существенно важный «Комментарий» на целых 64 страницы книги. И детально разъяснил все, что в «Руководству» было намечено лишь пунктиром, если намечено вообще.

На первой же странице он сформулировал свои требования к обучающимся: «Для успешных действий в рукопашной схватке каждый боец и гражданин (здесь имелся в виду Всевобуч — М.Л.) должны: 1) Уметь быстро, скрытно и длительно передвигаться, преодолевать препятствия, метать гранату на поле боя. 2) Уметь сочетать движение в атаку и действия штыком с использованием огня. 3) Стремиться первым атаковать врага. 4) Уметь применять для нападения и защиты подручные средства: лопату, топор, нож, — чтобы обезоружить противника и уничтожить его. 5) Уметь вести рукопашный бой одному против нескольких врагов и выручать своих товарищей в бою». Таким было кредо автора.

Он всеми силами старался за минимально короткое, отведенное для занятий время дать максимально

Занятия по рукопашному и штыковому бою в осажденном Ленинграде

возможный объем прочных боевых навыков. Строго говоря, в его книге преподносился тот же материал, что и в «Руководстве»: удары штыком, прикладом, отбивы и все прочее. Даже иллюстрации позаимствованы из того же РПРБ-41. Казалось бы, все то же самое, да не совсем. Все подробно и понятно растолковывалось. Каждый раз специально указывалось, какие ошибки обычно допускаются обучающимися при освоении того или иного приема. Константин вникал даже в самые вроде бы незначительные детали, которые, как оказывалось на деле, имели немаловажное значение. В качестве одной из серьезных ошибок, которую инструктор непременно должен был исправлять, указывалось неумение правильно выдернуть штык из тела пораженного им противника. Кому-то может показаться это просто несерьезным, пустяком, не заслуживающим никакого внимания. Между тем, игнорируя подобный «пустячок», можно было получить роковые последствия.

Немедленно после укола штык следует выдернуть точно в направлении, обратном сделанному удару. Без этого штык «завязнет», а падающее тело противника еще сильнее «заклинит» его. В результате боец останется безоружным: продолжая удерживать в руках винтовку, он потеряет возможность использовать ее как оружие и в этот момент станет легкой жертвой для врага.

Или вот еще «крохотная» деталь, которую вы не найдете ни в одном другом руководстве: «При первоначальном обучении рекомендуется дать занимающемуся «почувствовать» силу удара, для чего следует 2-3 раза нанести свободный удар по заранее установленной тренировочной палке (с шаровидным мягким наконечником для ударов – М.Л.). После того как занимающийся «почувствовал» удар, нужно сочетать отбив с ударом прикладом, постепенно увеличивать скорость выполнения приема». Такая «деталь» позволяла новичку заранее «примериться» к удару, не отвлекая на это внимание непосредственно во время тренировки.

Булочко стремился максимально приблизить условия обучения к реальной фронтовой обстановке. Занятия надлежало проводить не только в «чистом поле», но в самых различных условиях: в окопах; извилистых ходах сообщения; в различных помещениях — свободных и загроможденных разными предметами; в населенных пунктах — на улицах и во дворах; в сельской местности, в деревнях. Да не просто в различной местности, но еще обязательно с разным грунтом, рельефом и растительностью и с непременными «внезапностями». Во время учений ученикам внезапно подавались команды «Ложись!», «Танки!», «Самолет!» и др. А из-за дерева или из кустов вдруг появлялся боец и старался «достать» ученика мягким наконечником тренировочной палки. За поворотом неожиданно встречали подвижные чучела, наезжавшие с 2-х и даже с 3-х сторон. Нужно было, отбив «грозившую» уколом палку, в любой момент и из любого положения атаковать и защищаться, нанося все известные уколы штыком и удары прикладом. А при тренировках одиночного и группового боев на деревянных винтовках с мягким наконечником учащихся неожиданно встречали уже не чучела, а их замаскировавшиеся однокашники. В тренировке боя на винтовках с мягким наконечником нужно было выработать у бойцов выносливость, напористость, инициативу, быстроту ориентировки и пренебрежение к болевым ощущениям. Надо, чтобы боец, получив «укол» в грудь, даже в лицо, еще более энергично, более настойчиво дрался до тех пор, пока не будет выполнена поставленная задача. «Суровая боевая закалка в тренировке обеспечит победу в действительной рукопашной схватке».

Завершалось обучение комплексными тренировками на местности. На штурмовой полосе совершались «перебежки» и переползание вперед и назад среди канав, кочек, густой травы, кустарника, завалов из стволов деревьев, окопов, ям. Затем преодолевались «расставленные, разбросанные и внезапно появляющиеся препятствия: палисад, изгородь, частокол, окоп, столб и т.д.»; забрасывались гранатами специальные мишени, и бойцы вступали в бой с «неприятелем» на деревянных винтовках с мягким наконечником, вымазанным мелом. А еще так же проводились тренировки, при которых ставились тактические задачи, решая которые, обучающиеся вступали в штыковой и безоружный бой: произвести разведку, взять «языка», захватить здание и т.п.

Учеников, конечно, «гоняли» до седьмого пота, но зато они получали полноценную подготовку, позволявшую выходить живыми из реальных рукопашных схваток.

Булочко исполнительно привел в книге все приемы с оружием, без оружия и с использованием подручных предметов, которые приводились в «Руководстве» 1941-го года, но при этом не удержался и от кое-каких собственных полезных дополнений. Кроме обычного отбива влево, привел еще «удар или захват оружия противника с кругом влево». Вспомнив свой спор с москвичами, указал, что укол может быть сделан как с замахом, так и без него. Совершенно разумно дополнил недостаточно действенный удар головой в лицо при обезоруживании от укола штыком ударами ногой по голени, в пах или болевым приемом на руку. А еще в книге впервые обозначились его

К. Булочко ведет урок штыкового боя

сомнения в эффективности захвата руки противника в «вилку» при обезоруживании от удара ножом сверху. Он рекомендовал блокировать вооруженную руку своим предплечьем и лишь в виде альтернативы называл обязательную, согласно «Руководству», «вилку».

Скорее всего, издать книгу в блокадном Ленинграде не представлялось возможным, и Константин каким-то образом смог переслать рукопись в далекую от фронта столицу Киргизской ССР – Фрунзе (ныне и в старину – Бишкек). Есть основания полагать, что это было зимой 41-42 года, когда ладожский лед превратился, хотя и в смертельно опасную, но настоящую «дорогу жизни», по которой в Ленинград переправляли продовольствие и боеприпасы, а на обратном вывозили тяжело раненных и страдавших дистрофией штатских. Вот с кем-нибудь из них рукопись и проделала длиннейший и очень нелегкий путь в солнечную и богатую продовольствием Среднюю Азию. В «Киргизгосиздате» сразу же поняли насущную актуальность темы и высокое качество исполнения и уже в самом начале 1942 года выпустили книгу в свет.

И сейчас же с книжкой произошел счастливый и, конечно, единственный в нашей спортивно-издательской практике случай, когда вышедшая в провинции работа была выпущена вторым изданием уже центральным издательством. Действительно, в Москве очень быстро успели оценить работу лейтенанта Булочко по достоинству, и уже 30 марта того же 42-го она была подписана к печати в издательстве «Физкультура и спорт» весьма большим тиражом в 20000 экземпляров.

К. Т. БУЛОЧКО
ст. преподаватель КУКС ФИЗО РККА

ОБУЧЕНИЕ РУКОПАШНОМУ БОЮ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Государственное издательство
«ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТ»
Москва 1942 Ленинград

А ее автор продолжал свою активнейшую и очень полезную деятельность в осажденном городе. Как суховато и лаконично указано в аттестационном листе: «Принимал активное участие в оказании помощи по обучению рукопашному бою частям Ленинградского фронта. Награжден медалью «За оборону Ленинграда», за старание и хорошее качество в работе имеет благодарности и денежное награждение, объявленные приказом по Главупраформу Красной Армии № 68 1942 года».

«На верху» оказались знающие люди, способные заметить и оценить отличного и трудолюбивого специалиста. Константин получает повышение как в звании, так и в должности. С 30 июня 1942 года старший лейтенант Булочко переведен в вышестоящее Управление лыжной, горной и физической подготовки Красной Армии и приступает к работе в качестве инструктора уже в Москве. Впрочем, долго в этой должности не задерживается, совершая постоянное «восхождение», становится помощником начальника отдела, затем – старшим помощником и, наконец, старшим инструктором, получив в октябре 43-го очередное военное звание «капитан».

О его службе в Управлении вполне исчерпывающе говорит уже упоминавшийся аттестационный лист от 17 января 1944 года: «Как лучший специалист в СССР по рукопашному бою и неоднократный по этому виду чемпион Союза, тов. Булочко К. Т. работал в Управлении по обеспечению надлежащей постановки в частях и ВУЗах обучения рукопашному бою. Все задания по разработке программ, методических указаний, проекта специального руководства, по инструкторским проверкам, оказанию практической помощи частям и ВУЗам при выездах в командировки и по проведению занятий по рукопашному бою с офицерами Управления тов. Булочко К.Т. выполнял с исключительным старанием и любовью к делу, проявляя при этом большую инициативу, твердость воли, решительность и энергию».

Не слишком часто можно прочитать столь блестящую аттестацию, однако, увы, я как беспристрастный Нестор отечественного рукопашного боя вынужден капнуть в эту замечательную бочку меда, хоть и крохотную, но капельку дегтя. Далее Константин характеризуется так: «Дисциплинирован. Физически крепок, здоров, несколько нервозен, но вполне владеет собой (Что поделаешь: нервность – неизбежный спутник таланта! – М.Л.). Условия быта и боевой подготовки частей знает недостаточно хорошо, вследствие чего в своих разработках и предложениях иногда фантазирует, но, поняв это, быстро выправляет свои недочеты». И все-таки конечный вывод начальства положительный: «Склонен к творческой, научно-исследовательской и педагогической работе... Занимаемой должности вполне соответствует».

Мне особенно приятно сказать, что эти вполне заслуженные, отменно похвальные, но, вместе с тем, и справедливо объективные слова написал не кто иной, как старейший специалист и наш с вами давний знакомый, теперь уже полковник, начальник 5-го отдела Управления Калачев.

Константин работал в Управлении, преподавал, инспектировал, частенько выезжал в командировки, выполняя задания в войсках Волховского, 1-го и 4-го Украинского и 3-го Прибалтийского фронтов, получая «благодарности и денежные награждения» теперь уже в Управлении.

При всем этом, как и прежде, находил время для выступлений в печати по актуальным вопросам рукопашного боя. В 1943 году он составляет «программу массовой подготовки» «Подготовка к рукопашному бою и маршевая тренировка», в которой указывает: «Задачей данной программы является в кратчайший срок обучить в тылу резервы Красной Армии приемам штыкового боя, метанию гранат». Эта программа, включавшая также и бой невооруженного с вооруженным, в том же году была переиздана Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта при Совете народных комиссаров СССР в Чкаловском (Оренбургском) областном издательстве. А в 1-м номере журнала «Военный вестник» следующего года появляется его статья «Некоторые вопросы методики подготовки к рукопашному бою».

Специалист высшей квалификации, работавший в самом непосредственном контакте с фронтовыми частями, Константин не мог не видеть опасные пробелы и недочеты как в практике рукопашного боя, так и в обучении ему. Недочеты, которые оплачивались солдатской кровью. Должно быть, он написал об этом не один рапорт начальству, но, как это водится, все рапорта неизменно «застревали» на уровне какой-то инстанции.

Я не открою Америки, если скажу, что начальство не очень любит любые, пусть самые полезные и важные, критические замечания в адрес уже утвержденных им обязательных к исполнению материалов. И как ни старался Константин, этот военно-административный «воз» так и продолжал оставаться в своем прежнем и не самом удачном местоположении.

Думаю, что именно поэтому Булочко решил пойти на крайнюю меру и публично выступить на страницах военной печати с критикой и своими дельными предложениями об улучшении работы. Так в октябрьском номере (№ 19-20) журнала «Военный вестник» за 1944 год появляется его очень смелая, громко прозвучавшая и вызвавшая дискуссию статья с недвусмысленным заголовком «Требования фронта к рукопашному бою».

В статье прямо утверждалось, что «применяющиеся в частях способы обучения рукопашному бою имеют много недостатков». А далее вполне конкретно они перечислялись:

«Учат преимущественно защитным действиям, уделяя мало внимания выработке навыков активного нападения.

Занятия плохо обеспечивают материально. Бойцов учат «колоть в воздух» или тренируют на одном месте у группы неподвижных чучел, не вводят элементов противодействия, сводят обучение к беспредметной «штыковой шагистике».

Отводят мало времени на один урок. Практика показала, что одного учебного часа недостаточно, чтобы хорошо изучить предусмотренные расписанием приемы. Часть времени (10-15 минут) уходит на подготовку к занятиям и следование к месту, где они будут проводиться, и в оставшиеся 35-40 минут руководители вынуждены прорабатывать намеченные приемы в спешном порядке.

Изучая прием, не комплексируют его с другими приемами... расчленяют выполнение целостного приема на отдельные элементы, вводят ненужные подготовительные упражнения даже при изучении простейших приемов... Затрачивая много времени на выработку второстепенных элементов приема, они мало тренируют бойцов в исполнении приема слитно, не создают для обучаемых разнообразных условий, неожиданных положений. Такие занятия обычно проходят скучно, нужного изучения приемов бойцом и его физического развития не достигается.

...Бойцов тренируют в исполнении приемов в отрыве от применения оружия для стрельбы навскидку и в упор и т.д., не воспитывают у них автоматических навыков — сначала поражать врага выстрелом, очередью, а потом уже уколом или ударом. Отмеченные недостатки в методике обучения рукопашному бою свидетельствуют о том, что учебная практика еще отстает от требований современного боя».

И это вовсе не было пустопорожнее критиканство, лишенное необходимых здравых предложений. Ветеран Калачев отнюдь не ошибался в своей аттестации подчиненного. Булочко продуманно и систематично излагал свои вполне целесообразные предложения: «Основные принципы методики обучения», «Организация и проведение занятий», «О развитии у бойца быстроты восприятий и ответственных действий» («...большую воспитательную роль в тренировке играет процесс планомерного повышения функциональной подвижности нервной системы, ее возбудимости») и т.д.

Поднятые в публикации проблемы не оставили равнодушными офицерский корпус, которому не раз приходилось «натыкаться» на досадные и откровенно опасные недочеты, о которых смело во всеуслышание заявил автор. На страницах «Военного вестника» началась оживленная дискуссия, продолжавшаяся даже уже и по окончании войны в газете «Красная звезда».

Однако уже самое первое письмо, полковника Т. Климова, содержало резкие возражения. Но хотя в последующей почте встречались мелкие разногласия с Булочко, в целом она поддерживала и одобряла его предложения: «Статья дельная, актуальная. Выводы и заключения автора построены на боевом опыте» (майор Евг. Бова). «О штыке, мертвой практике и методике капитана Булочко»: «В статье, безусловно, основанной на боевом опыте, по-новому ставятся вопросы подготовки к рукопашному бою» (Гвардии подполковник М. Косарев). «Капитан Булочко прав» (Гвардии старший лейтенант С. Фельдман).

Однако заключительное письмо, хотя и содержало 2 строчки вежливой дежурной похвалы «за своевременно поднятый вопрос, положивший начало широкому творческому обсуждению», едва ли порадовало Константина.

Сегодня трудновато найти людей, знающих что-либо о подписавшем письмо майоре Олеге Лагофете, но тогда эта фамилия весьма звучала в фехтовальном мире, несмотря на то, что Олег, в отличие от Булочко, так и не смог стать чемпионом Союза, ограничившись Российской Федерацией.

По существу, Лагофет перечеркивал все старания Константина решить большую и важную задачу. Потому что «решение ее непосильно одному человеку!» Не преминул он заметить и то, что у них, на кафедре физподготовки знаменитой Военной академии имени М.В. Фрунзе, тоже обсуждался данный вопрос, но отнюдь не единолично, а с участием большого количества специалистов. Правда, о практических выходах этого «мозгового штурма» Олег почему-то умолчал. Зато очень умело использовал стандартный довод, который безотказно действовал против любых сомнений в превосходстве всего советского: «Нельзя забывать указания Ленина о том, что критерием истины всегда является практика, и что всякая теория, вырастая из практики, ею же проверяется. Практика же Отечественной войны (которая только что окончилась — М.Л.) показала, что советские воины одержали победу над немецко-фашистской армией. Значит, обучали их не так уж плохо!» Вот так! И все тут!

Отнюдь не собираясь ввязываться в сомнительную полемику относительно творческих возможностей автора-одиночки, да еще с политическим оттенком, Константин ответил своим

недобросовестным критикам выпуском книги «Физическая подготовка разведчика», в которой изложил все свои методические, технические и организационные соображения. И если вершиной его довоенной педагогически-спортивной творческой деятельности стал первый советский вузовский учебник по фехтованию, то апогеем военно-литературной работы явилась именно эта книга, принесшая ему ученую степень кандидата педагогических наук.

И совсем не случайно Наркомат обороны СССР «за плодотворную учебно-боевую работу в области войсковой разведки» удостоил Константина почетного знака «Отличный разведчик», которым награждались самые умелые и мужественные разведчики.

Хотя за годы, истекшие со дня выхода в свет в 1945 году его наставления, и методы, и техническое оснащение разведчиков ушли далеко вперед, книга Булочко и сегодня сохраняет немалую часть своего значения, и именно о ней до сих пор восхищенно вспоминают старые профессионалы. А в современных руководствах совсем нетрудно обнаружить заимствования из этого старого классического труда.

Это была поистине практическая энциклопедия войскового разведчика тех лет: автор не упустил ни одной, пусть даже самой мелкой детали. Физическая подготовка: индивидуальные, парные и групповые упражнения. «Развитие быстроты действий и расторопности», «упражнения для развития быстроты и точности зрительных, слуховых и осязательно-двигательных восприятий». Тактические «премудрости». Передвижение, в том числе и бесшумное, в темноте, в помещениях, по вязкому, сыпучему грунту, по воде, льду, снегу, по «осыпям» и даже по крышам. Длительная ходьба, быстрая, без переползания. Самостоятельное и с помощью товарищей преодоление препятствий любой сложности. Форсирование водных преград с помощью подручных средств и без них. Умение часами сохранять неподвижность, находясь в самых различных местах: на дереве, в кустарнике, на чердаке, преодолевая специальными приемами неизбежно надвигающееся желание заснуть. Ориентирование без компаса и знание признаков изменения погоды, предвещающих грозу, похолодание, бурю и т.п. Был даже там способ, как избежать чихания, если оно может демаскировать разведчика.

Скрупулезная авторская детализация представляется мне, пожалуй, даже избыточно щедрой. Так, специальный раздел Булочко посвятил полезным для разведчиков видам спорта. При этом он не просто называет их, но старается вкратце даже изложить их правила. Впрочем, в те годы, когда значительная часть армии приходила из не слишком спортивной нашей провинции, такие разъяснения могли быть и не лишними... Но самым главным была, конечно, глубокая методическая разработка каждой темы, придание ей не казенно-сухой, а увлекательной формы, способной серьезно заинтересовать самого бойца.

Хотя книга «Физическая подготовка разведчика» и была выпущена подведомственным министерству «Воениздатом», Константин получил, наконец, возможность изложить собственные фронтовые разработки без оглядки на «официоз». Казалось, военная редактура на этот раз утратила обычную жесткость и напористость. И он внес много нового и полезного, но нас с вами особенно интересует глава VI «Приемы и способы ведения рукопашного боя».

До войны Булочко был, так сказать, чистым фехтовальщиком. Разумеется, не мог он не знать и приемы безоружного боя, боя коротким оружием и подручными предметами. Однако, работая над книгами, он всегда поручал написание подобных разделов своим признанным соавторам, профессионально специализировавшимся в данных областях. Так было с И.В. Васильевым при создании вузовского учебника и с М.В. Лукичевым, подготовившим необходимые разделы в книге «Рукопашный бой и фехтование». Но с тех пор, как в условиях блокады ему практически единолично довелось курировать обучение рукопашному бою в масштабах Ленинградского фронта, Булочко уже приходилось писать листовки, «конспекты», наставления, только самостоятельно и как можно быстрее. Но трудности возникали не только подобного, чисто субъективного, но и серьезного объективного порядка.

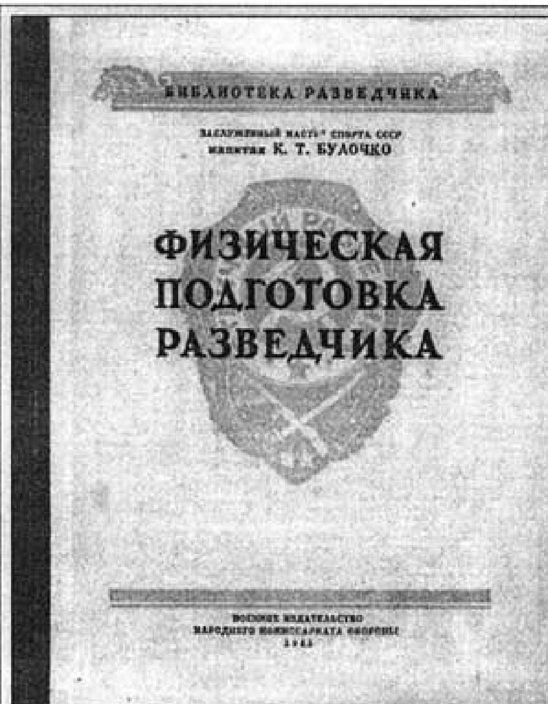
Сейчас, пожалуй, только ветераны-оружейники знают, что первый вариант дегтяревского пистолета-пулемета был принят на вооружение еще в 1934 году. Как оружие пехоты, автоматы должны были усиливать мощь огня непосредственно перед атакой. Таким образом, хотя участие автоматчиков в атаке и предусматривалось, но нигде ни словом не упоминалось, как они должны были вести рукопашный бой, расстреляв все свои 25 патронов. Автомат тогда был «большой, большой секрет», упоминать о котором лишний раз ни в коем случае не полагалось. Усовершенствование ППД после Финской войны (замена коробчатого магазина на барабанный — емкостью в 71 патрон) и даже принятие на вооружение еще одного автомата ППШ-41 данного положения не поколебали.

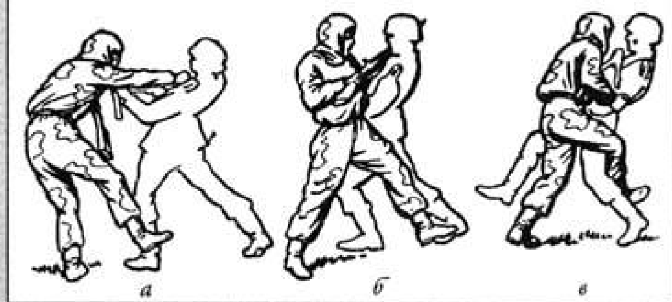
Варианты подобного секрета Полишинеля можно было видеть не только в НПРБ-38, но и в РПРБ-41. В частности, еще в 1936 году на вооружение армии поступила автоматическая винтовка С.Г. Симонова (АВС) с клинковым штыком, на смену которой в 1938-м пришла самозарядная винтовка Ф.В. Токарева (СВТ), снабженная штыком такого же типа. Однако в обоих упомянутых руководствах хотя и говорилось о способах нанесения режущих ударов штыком, но на иллюстрациях боец проводил такие удары не клинковым штыком «самозарядки», а... старым 4-гранным штыком трехлинейной винтовки Мосина. А о возможности нанесения коробчатым магазином СВТ «тычкового» удара в лицо противника при сближении с ним вообще умалчивалось...

Фронтовой опыт Константина, пристальный анализ боевой практики уже вполне позволяли ему не только увидеть, но и правильно оценить рожденные войной новые и весьма важные особенности. Он уже не раз

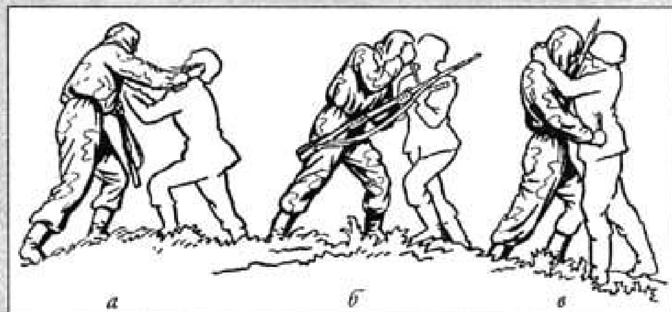

Удар магазином автомата

Сваливание противника: а – подбивом правой ногой; б – подножкой; в – зацепом правой ногой за левую ногу противника

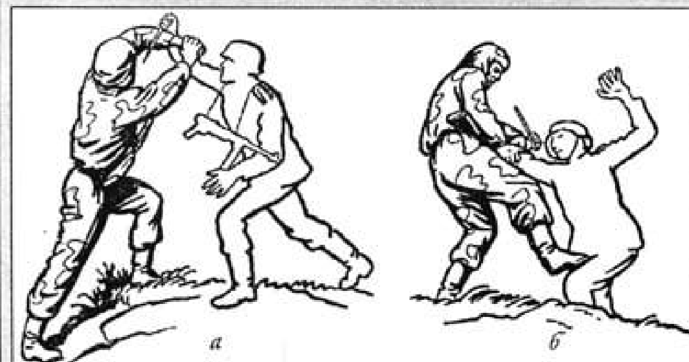

Удар ножом при столкновении вплотную: а – наотмашь по лицу; б – сверху в грудь; в – снизу в бок

Нападение одного бойца на противника: а – удар по правой руке противника; б – закрывание левой рукой рта; в – сваливание и удержание противника

Нападение двух бойцов на противника, находящегося в траншее: а – момент нападения с бруствера траншеи, «обвивание» руки ударом приклада; б – набрасывание плащ-палатки

Защита от удара противника ножом сверху: а – момент подставки рук, сложенных в «кольцо»; б – ответный удар ногой и выворачивание руки

Набрасывание на голову плащ-палатки и захват руками горла

писал об этом на страницах «Военного вестника» и в своих руководствах, а сейчас подытожил свои выводы в книге: «Опыт Отечественной войны показал, что в действиях разведчиков во время рукопашных схваток нет длительной штыковой борьбы, так как в рукопашном бою на близком расстоянии господствует ружейно-автоматный и гранатный огонь.

Рукопашный бой разведчиков — чаще всего это дерзкий налет, это неожиданное, бесшумное нападение на противника или внезапная встреча вплотную. В этих рукопашных боях чаще всего применялись: бросок гранаты, выстрел в упор, удар стволом, магазином винтовки или автомата; удар из-за укрытия сверху, сбоку или сзади прикладом; удар ножом в грудь, в бок, в спину; удар кулаком, ногой, сваливание противника и борьба лежа».

Хотя Булочко — профессиональный фехтовальщик, «работе» разведчика штыком он уделил всего 6 строк и две иллюстрации. Громоздкая винтовка с примкнутым штыком в условиях разведки являлась не самым удобным оружием. Да и штыком, который обычно «выдавал» врагам их присутствие, разведчики пользовались лишь в случае крайней необходимости: слишком «шумное» это было оружие. «От удара штыком немцы очень сильно кричат», — говорили они. И вооружать разведку старались больше автоматами — портативным оружием, а винтовками и карабинами — только при нехватке пистолетов-пулеметов.

Возникала проблема приемов рукопашного боя для автоматчиков. Скорее всего, таковые рождались еще до появления соответствующих руководств — за счет солдатской смекалки, стихийно в условиях боя. В подобных случаях приходилось превращать огнестрельное оружие в холодное. Приемы боя автоматом, в принципе, не отличались от боя винтовкой или карабином без штыка: тычок стволом в лицо или грудь, удар магазином в лицо или шею, удар стволом по лицу, шее или затылку противника. А также из различных положений удары затыльником приклада по голове. При недостаточной силе удара следовало повторить его или наступить ногой на горло упавшего врага. Для того чтобы проделать все это, автоматчику было необходимо сблизиться с противником на дистанцию удара своим коротким оружием, вероятно, не иначе как отбив стволом оружие противника. При этом левая рука держала автомат за диск, который, как металлический щиток, в какой-то степени предохранял ее от поражения вражеским штыком.

Отбив оружия врага с целью нанесения ему укола штыком или соответствующего удара являлись традиционно известными приемами фехтования. А вот принципиально новым стало использование при взятии «языка» винтовки или автомата в качестве холодного оружия, удар которого «отключал» вооруженную руку противника или выбивал у него оружие.

«Выбивание оружия у противника производится ударом ствола своей винтовки по оружию противника вправо или влево сильным коротким движением обеих рук, а также ударом прикладом, стволом своей винтовки или автомата по рукам противника. (Если учесть, что ствол автомата был заключен в металлический кожух, предохранявший ствол от механических повреждений и обеспечивавший его воздушное охлаждение за счет специальных «вентиляционных» прорезей, а вес автомата, даже без магазина, колебался от 3,5 до 3,6 кг, то станет понятным, что удар автоматным стволом действовал, словно удар ломиком — М.Л.) После сильного удара своим оружием по оружию противника (если оно и не выбито из рук) немедленно наносить удары прикладом, стволом, сваливать противника, глушить его, связывать и захватывать в плен или уничтожить».

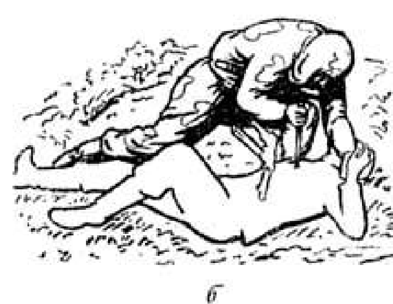
В тылу врага разведчик должен был оставаться невидимым и неслышным. От этого зависит не только успех операции, но и сама его жизнь. И здесь выходит на первый план «оружие тихой смерти» — нож. Неслышно подобравшись к врагу, ему зажимали рот специальной резиновой перчаткой, тряпкой или левым предплечьем, нанося одновременно смертельный удар ножом в сердце (в грудь или, находясь сзади, под левую лопатку). При сидячем или лежачем положении противника использовались также удары снизу в солнечное сплетение или сверху в шею, в область сонной артерии.

При внезапном столкновении с противником быстро выхватывали нож из ножен и, продолжая движение руки, наносили наотмашь режущий косой удар по лицу слева направо и возвратным движением — сверху в грудь. Если действовать по тем или иным причинам приходилось левой рукой, то режущий удар наносился справа налево или же непосредственно в живот. Действия ножом могли предваряться или завершаться ударами ногой и головой. «Действуя ножом в руке на иной схватке и при выполнении специального задания, разведчик должен быть быстрым, дерзким, волевым, хладнокровным и уметь наносить удары ножом из любого положения — стоя, сидя, лежа». Стоит отметить, что, согласно статистике, именно нож наиболее часто и успешно использовался разведкой.

Но умело действовать ножом умели не только наши, но и немецкие разведчики, и Константин приводит в книге приемы обезоруживания от удара ножом.

В одной из официальных бумаг Булочко писал, что он в работе с разведкой «много изобретал новых способов передвижения, гранатометания, приемов и действий разведчиков». Похоже, что способы обезоруживания при нападении с ножом, приведенные в книге, по крайней мере первый из них, относятся именно

Нападение на противника и удар ножом: а — в положении сидя; б — в положении лежа

к таким изобретениям. Во всяком случае, в других руководствах мне его встретить не удавалось.

Прием этот, который Константин назвал «кольцо», применялся против ударов ножом сверху, справа или слева. Название отразило первоначальное положение рук защищающего, образующих как бы кольцо: правая рука захватывала запястье левой, предплечье которой блокировало удар. Это упрочивало положение левой руки и не позволяло сбить блок при слишком сильном ударе. Родился этот прием, скорее всего, не без влияния довоенных тренировочных боев на ножах, в которых часто и удачно использовался блок левым предплечьем. Булочко описал прием так: «В момент удара подставить руки, сложенные в «кольцо», под ударяющую руку противника и захватить ее своей правой рукой снизу под локоть; резко рвануть левой рукой наружу, а правой к себе вправо и одновременно ударить носком ноги между ног противника. После этого свалить противника и нанести удар ногой или ножом».

От удара ножом снизу использовался захват вооруженной руки руками, сложенными накрест. Затем «моментально ударить противника головой в лицо, отвести его оружие влево, ударить носком ноги между ног противника, свалить его и уничтожить». (Рекомендация, которая представляется мне не очень удачной, сомнительной и даже не во всем понятной. Как именно наиболее целесообразно «свалить противника»?)

Раздел применения в бою подручных средств предусматривал использование любых их видов. Обучение предусматривало, в частности, рукопашный бой с одной или с двумя гранатами без запала в руках. Удары гранатами Ф-1 и РГ-42 наносились,

Удар гранатой (камнем) сбоку в челюсть

как и попавшим под руку камнем, «коротким резким боковым в челюсть или снизу в живот — в солнечное сплетение». В противостоянии винтовке с примкнутым штыком с помощью малой лопаты предусматривался не только отбив, но и фехтовальный «захват оружия противника». Удары лопаткой наносились по лицу и шее противника.

Безоружный бой включал удары руками, ногами и головой. «Кулаком — правой и левой руками прямо в лицо противника, сбоку в челюсть и снизу в живот — в солнечное сплетение». «Мякотью ладони» правой руки били снизу вверх под челюсть противника. И носком ноги, и коленом били снизу между ног противника.

Отмечая особенности рукопашного боя по Булочко, нужно сказать, что он отказывается от болевых приемов, и они фигурируют у него только в процессе обезоруживания. Бросков («сваливания противника») приведено только три: «подбив правой ногой», подножка (задняя) и «зацеп правой ногой за левую ногу противника».

В то же время уделено очень много внимания технике захвата «языка» в самых различных вариантах: один на один, вдвоем или втроем на одного с точным распределением действий каждого. Рассматриваются особенности захвата в зависимости от условий местности и боевой обстановки: бесшумное нападение из засады, нападение на группу противника в его траншее, захват всадника, мотоциклиста, велосипедиста и прочее.

Точно так же обстоятельно описаны необходимые в различных случаях способы связывания захваченного пленного и способы его транспортировки при разнообразнейшем рельефе местности и создавшихся условиях. Притащить к своим окопам не «языка», а всего лишь его труп, а уж тем более, дать улизнуть пленному — такие неприятные варианты старались исключать начисто.

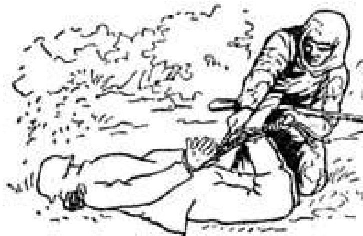
«Физическая подготовка разведчика» появилась на книжных прилавках только уже в конце победного 1945 года, когда поверженной была не только нацистская Германия, но и милитаристская Япония. Но это вовсе не означало, что ценные разработки автора уже не успели дой-

Связывание рук спереди ладонями внутрь

Связывание рук спереди ладонями наружу

Связывание рук и ног сзади

Спуск связанного пленного с обрыва с помощью веревки

ти до фронтовиков. Ведь в книге Константин описал именно то, чему уже давно обучал разведчиков в дни самых жарких боев войны.

Стоит отметить, что еще в середине 1944 года Константин сдал в издательство «Физкультура и спорт» рукопись брошюры «Обучение юношей рукопашному бою». Это был как бы первый, конспективный вариант его будущей книги, адаптированный к военной подготовке допризывников. «Пособие было предназначено для преподавателей физической подготовки, инструкторов-общественников, мастеров спорта и военных руководителей школ, на долю которых выпала почетная обязанность воспитывать в дни Великой Отечественной войны молодежь. Успешно может быть использовано в занятиях секций фехтования и рукопашного боя школьных коллективов, в подразделениях Всевобуча, а также в средних школах, ремесленных, железнодорожных и суворовских училищах». Однако физкультурные издатели сумели так «заканителить» работу над всего лишь 80-страничной брошюрой, вышедшей немалым тиражом в целых 15 тысяч экземпляров, что воспитывать с ее помощью из подростков и юношей будущих «стойких и дисциплинированных фронтовиков» оказалось уже невозможно, так как война к этому времени успела успешно закончиться, а Всевобуч и преподавание «военного дела» в средних учебных заведениях были упразднены. Так что были это явные «цветы запоздалые».

После демобилизации летом 1946 года Константин, конечно, хотел бы вернуться к своей прежней работе в ленинградском инфизкульте, но прежняя должность не была вакантной, и он отправился к себе на родину — замдиректором по учебно-научной работе и завкафедрой фехтования Белорусского института физической культуры. В Минске доцент Булочко работает над новым институтским учебником по фехтованию, выступая не только в качестве его редактора, но и автора восьми глав, то есть 80% текста.

Да и с фехтовальной дорожки он все еще не хотел уходить. Однако уже не слишком юный возраст и непосильное напряжение военных лет делали свое дело. На первенстве СССР 1945-го в эспадроне ему удается взойти лишь на вторую ступень пьедестала почета, уступив знаменитому Вышпольскому. А затем победы на чемпионатах страны уже достаются ему только в составе команды. Но хотя имени Константина уже нельзя увидеть в списке чемпионов Советского Союза, фамилия «Булочко» в 1946 году снова появляется в этом почетном перечне: это жена Константина — Вера в состязании рапиристок сумела взойти на высшую ступень пьедестала почета. А еще через пять лет, уже снова «став ленинградкой», еще раз повторила этот свой успех. Спортивно-династические традиции продолжала и их дочь — Людмила, без чьей любезной помощи этот очерк никак не смог бы появиться. Кандидат в мастера спорта, она одновременно работала над диссертацией по фехтовальной теме, но семейные обстоятельства заставили ее приостановить активную спортивную деятельность...

В конце 49-го Константин смог, наконец, вернуться в свою «alma mater» — ленинградский институт Лесгафта. Сначала в качестве старшего приват-доцента кафедры фехтования, а затем и завкафедрой единоборства, объединявшей фехтование, бокс и борьбу.

К этому времени Константин уже успел «заработать» весьма солидный тренерский стаж, но, пожалуй, именно теперь для него наступило время наиболее сложной и ответственной тренерской работы. В послевоенные годы и особенно перед первым советским участием в Олимпийских играх-1952 остро встал вопрос о ликвидации нашего застарелого, можно сказать, хронического отставания во всех видах фехтования. 40-летний отрыв от международной практики (сразу после неудачной для нас Олимпиады 1912 года) восполнить было не так просто, а уж особенно в те кратчайшие сроки, которые требовали «сверху» в рамках официозной аксиомы: «советское — значит самое лучшее».

Тренерский коллектив, в состав которого входил, разумеется, и Константин, начал напряженную работу. Чтобы объективно оценить силы своих подопечных, они приняли очень смелое, но, наверное, наиболее правильное решение: провести состязание не с какой-либо слабенькой зарубежной командой ради «дешевой», но все-таки победы, а сразу с чемпионами мира — венграми. Разумеется, вполне предвидимым оказалось наше разгромное поражение во всех видах оружия, спровоцировавшее «благородное» возмущение власть предержащих. А вот у самих венгров их побежденные соперники вызвали искреннее восхищение. Они говорили, что одолеть наших ребят было значительно труднее, чем даже победить на первенстве вице-чемпионов мира.

Результаты упорнейшей и умной тренерской работы уже начинали сказываться, и «венгерский урок» принес большую пользу, позволив сделать необходимые выводы о своих слабых сторонах.

В Хельсинки, естественно, наши фехтовальщики тоже отнюдь не блеснули, и за ними успела установиться прочная репутация «слабаков». И не было ничего удивительного в том, что три года спустя на римском первенстве мира сильная французская команда саблистов не сочла нужным даже размяться перед поединком с нашей, утверждая, что сама эта встреча станет всего лишь разминкой перед схваткой со следующим — сильным соперником. Но после убедительной советской победы все итальянские газеты писали, что наши ребята «были совершенно изумительны и буквально ошеломили не только побежденных соперников, но и восторженных римских зрителей». Итальянские газетчики писали, что «Советский Союз становится международным фехтовальным фактором», и предсказывали, что он довольно скоро заставит потесниться лидирующие в мировом фехтовании страны. В таких случаях говорят: как в воду смотрели! И в последующие годы наши мастера клинка уверенно и неуклонно выдвигались в положение признанных лидеров. И в эти успехи была вложена немалая доля труда и таланта профессора, заслуженного тренера СССР К.Т. Булочко. Он не жалел ни времени, ни сил, работал руководителем комплексной научно-исследовательской бригады сборной команды СССР, неоднократно возил ее на зарубежные соревнования...

На пенсию Константин ушел лишь в возрасте 71 года, но и тогда не порвал связи с кафедрой, оставаясь ее консультантом. Продолжал он и публиковать свои работы:

в 70-х годах напечатаны «Средства и методы для развития физических качеств и умений» и «Сборник научно-методических статей. Виды единоборств» под его редакцией. В 1987 году в минском издательстве «Полымя» выходит в свет, насколько мне известно, последняя публикация Булочко — «Преграды старению»...

А вот упомянутое в одной из характеристик «Руководство по подготовке к рукопашному бою в Красной Армии», разработанное в 1945 г. в соавторстве с генерал-майором Тарасовым, мне так и не удалось отыскать ни в одной из государственных и личных библиотек...

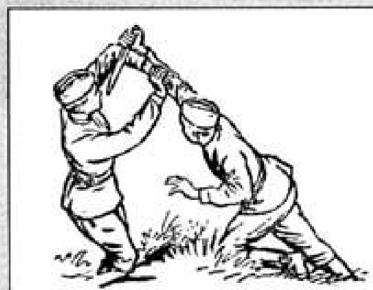
За четыре бесконечно долгих военных года обучать рукопашному бою и писать соответствующие руководства довелось множеству и офицеров, и тренеров, и спортсменов, но в благодарной памяти ветеранов-фронтовиков, обучавшихся непосредственно у Булочко или по его книгам, он до сих пор остается самым лучшим из всех ведущих специалистов! И это несмотря на то, что основной его профессией было все-таки преподавание всех видов фехтования, а отнюдь не ближнего боя!

Я не хотел бы быть несправедливым к коллегам Булочко: иные из них создали пособия отличные, в чем-то даже превосходящие его работы. Но я не вправе забыть и то, что Константин Трофимович начинал обучать штыковому бою еще задолго до начала войны, а к ее окончанию, как говорится в его характеристике, датированной 1972 годом, «через его руки на различных занятиях и сборах прошли более 600 тысяч командиров, сержантов и офицеров». Там же сообщается: «С любовью передает свои знания и мастерство ученикам, воспитав большую группу мастеров фехтования, чемпионов СССР и мира, заслуженных мастеров и тренеров РСФСР и СССР. Им подготовлено 9 кандидатов педагогических наук». Дочь Константина Трофимовича сообщила мне также, что опубликовано им было более 120 различных работ.

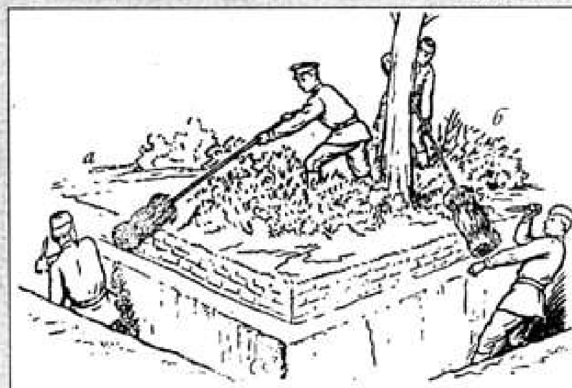
Что же касается военных заслуг Булочко, то они неоднократно отмечались грамотами, благодарностями в приказах, денежными награждениями и личными благодарностями

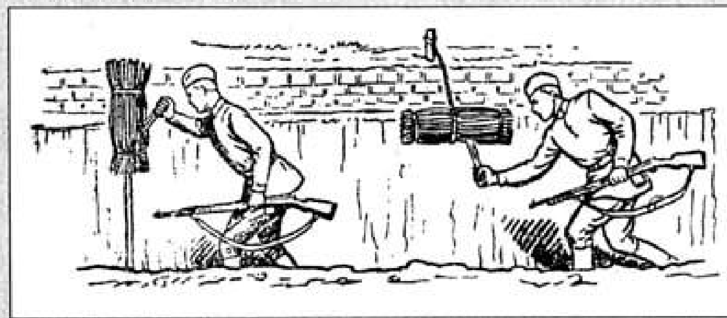

Защита от удара сверху руками, сложенными в кольцо

Удар ножом сбоку: а – слева направо, б – справа налево

а – удар ножом снизу
б – удар ножом сверху

К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и Е.А. Щаденко. Но вот из правительственных наград были только лишь медали. Как написал Константин Трофимович в одном из документов, «к орденам представлялся, но забыт...»

И удивляться здесь отнюдь не приходится, ведь ничто не влияет на начальственную забывчивость сильнее, чем сомнения в официальных материалах, утвержденных их подписью. А Булочко брал на себя подобную смелость и предлагал более совершенные, современные методы...

Но стоит ли вспоминать о «забытых» представлениях даже к вполне заслуженным орденам, если в «Наставлении по физической подготовке и спорту в Вооруженных Силах Российской Федерации 2001 года» можно найти немало того, что предложил Константин Трофимович еще полвека назад! Вплоть до такой детали, как замена при обезоруживании «архаичной» «вилки» блокировкой вооруженной ножом руки противника своим левым предплечьем...